

Впервые на русском — от автора международного бестселлера
«ДЕВУШКА С ЖЕМЧУЖНОЙ СЕРЕЖКОЙ»

ТРЕЙСИ ШЕВАЛЬЕ

Монкая
нить

Трейси Шевалье

Тонкая нить

Серия «Азбука-бестселлер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62217202

*Тонкая нить: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2020
ISBN 978-5-389-18793-1*

Аннотация

1932 год. После того как Великая война забрала и жениха, и любимого брата, Вайолет стала одной из «лишних женщин», обреченных на одиночество. И все же она не может примириться с тем, что ей не остается ничего другого, кроме забот о вечно недовольной матери. С трудом скопив небольшую сумму, Вайолет переезжает из родного дома в Уинчестер и начинает новую, самостоятельную жизнь. Помимо скудного питания, пансионата, продуваемого сквозняками, и косых взглядов, брошенных на безымянный палец без кольца, в этой жизни и в этом городе есть нечто иное: величественный собор, дружеское участие и волшебное ремесло вышивальщицы, которое дарит утешение и позволяет дарить его другим. Как прекрасный гобелен начинается с одного-единственного маленького стежка, так и жизнь Вайолет расцветает красками благодаря решительному шагу навстречу неизвестности. Впервые на русском!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	42
Глава 4	59
Глава 5	85
Глава 6	103
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Трейси Шевалье

Тонкая нить

Посвящается Мораз

Tracy Chevalier

A SINGLE THREAD

Copyright © Tracy Chevalier, 2019

This edition is published by arrangement with Curtis Brown

UK and The Van Lear Agency

All rights reserved

© В. Г. Яковлева, перевод, 2020

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

Глава 1

– Ш-ш!

Вайолет Спидуэлл нахмурилась. Почему ее одергивают? Она ведь не проронила ни слова.

Шикнувшая на нее назойливая женщина с копной седых волос как будто нарочно расположилась в арочном проеме, ведущем на клирос, – на любимом месте Вайолет в Уинчестерском соборе. Клирос располагался прямо посередине здания – с одной стороны неф, с другой пресбитерий и пространство за алтарем, короткие плечи северного и южного поперечных нефов, или трансептов, по обе стороны довершали крестообразную конструкцию здания. Другие части собора имели свои изъяны: неф слишком велик, проходы продавливаются сквозняками, в трансептах темно, в приделах чересчур благоговейная атмосфера, а пространство за главным алтарем выглядит как-то сиротливо. Зато на клиросе и потолок низкий, и сиденья резные, и все вокруг как-то более соответствует обычным человеческим размерам. Обстановка роскошная, но не слишком, без перебора.

Вайолет бросила быстрый взгляд через плечо распорядительницы. Ей очень хотелось хотя бы на секундочку войти туда и посмотреть, что там происходит. Четверг, но сиденья и скамьи для хора, а также расположенные рядом места пресбитерия заполнены – в основном женщинами. Вайолет не

ожидала такого. Должно быть, состоится какая-то особенная служба. Сегодня 19 мая 1932 года, День святого Дунстана, покровителя золотых дел мастеров и ювелиров. Святой прославился тем, что посрамил самого дьявола, кузнечными клещами схватив его за нос. Но вряд ли лишь это привело в храм сразу столько уинчестерских дам.

Вайолет стала внимательно рассматривать собравшихся, из тех, кого было видно. Женщины любят разглядывать себе подобных, причем куда более критическим взглядом, чем мужчины. Мужчины, например, не обращают внимания на спустившиеся петли на чулках, на губную помаду, тронувшую и зубы, на старомодную или запущенную стрижку или некрасиво поддернутую на бедрах юбку, на безвкусно-крикливые серьги в ушах. Вайолет отмечала в женщинах каждый изъян, но прекрасно знала и то, что каждый ее дефект тоже берется на заметку. Впрочем, она и сама может их перечислить: волосы блеклые, непонятного цвета, плечи покатые – это считалось стильным давным-давно, еще в Викторианскую эпоху, – голубые глаза посажены так глубоко, что трудно разглядеть, какого они на самом деле цвета, а уж о носе и говорить нечего: когда жарко, или стоит ей выпить хоть глоточек шерри, он сразу становится красным. Словом, недостатков хоть отбавляй, и напоминать о них нужды нет, кому бы ни пришло это в голову, мужчине или женщине.

Как и распорядительница, охраняющая всех сидящих на клиросе и в пресбитерии, почти все женщины были старше

Вайолет. На всех шляпки, большинство в плащах или пальто. День за стенами храма вполне сносный, но внутри довольно прохладно, как и всегда бывает во всех церквях и храмах даже в разгар лета. Каменные стены не нагреваются и не позволяют молящимся расслабиться. Хотя от прохлады чувствуешь себя несколько неуютно, но ведь молитва Господу – дело серьезное. Интересно, думала Вайолет, если бы Господь Бог был архитектором, строил бы Он из ветхозаветных суровых каменных глыб или озаботился мягкой мебелью эпохи Нового Завета?

Они начали петь «Все, кто взыскует покоя в небесах» – дружно, как солдаты в строю, которые отчетливо понимают всю серьезность задачи и значение своего коллектива. Ведь это и был сплоченный коллектив, Вайолет это сразу поняла. Невидимая нить крепко связывала всех этих женщин, объединившихся ради общего дела, каким бы оно ни было. Кроме того, здесь видна была и субординация: две женщины сидели на одной из передних скамеек и явно были их лидерами. Одна улыбалась, другая хмурилась. Та, что хмурилась, оглядывала поющих, переводя взгляд от одной шеренги к другой, словно ставила в уме галочки в списке – кто присутствует, а кого нет, кто поет бодро, а кто тяп-ляп, кому надо будет сделать выговор за недостаточное внимание к происходящему, а кого как-нибудь косвенно и снисходительно похвалить. Вайолет казалось, что она присутствует на школьной линейке.

– А кто это...

– Ш-ш! – распорядительница еще больше сдвинула брови. – Вам придется подождать.

Это было сказано гораздо громче того, о чем робко попыталась спросить Вайолет, кое-кто из женщин на ближних скамейках повернул к ним голову. Это еще больше распалило распорядительницу.

– Это ведь обряд освящения вышивок, – прошипела она. – Туристам участвовать запрещается.

Вайолет знаком был такой тип людишек: вход от посторонних они всегда охраняют с неподобающим для их положения свирепым усердием. Перед епископом она небось стелется и лебезит, а на остальных смотрит как на невежд и хамов.

Их недолгая перепалка была прервана появлением немолодого мужчины, который направлялся в их сторону по боковому проходу. Видимо, он вышел из пустого заалтарного пространства в восточном крыле собора. Облегченно вздохнув, Вайолет повернулась к нему. Она обратила внимание на его седые волосы и усы, на его решительную, размашистую, хотя и лишенную юношеской энергии походку и занялась подсчетами, которые проделывала, глядя на всякого мужчину. По виду ему было где-то около шестидесяти. Значит, когда началась Первая мировая война... минус восемнадцать лет – ему было сорок с небольшим. Может быть, он и не воевал или, по крайней мере, не вначале, а гораздо поз-

же, когда стало не хватать новобранцев. А может, воевал его сын, если он у него, конечно, был.

Глядя, как мужчина подходит все ближе, распорядительница решительно встала, готовая защищать свою священную территорию от непрошеного вторжения. Но тот, едва скользнув по ней с Вайолет взглядом, прошел мимо и быстрыми шагами стал спускаться вниз, в южный поперечный неф. Интересно, идет ли он к выходу или сейчас повернет к маленькой Рыбацкой часовне, где похоронен Исаак Уолтон?¹ Именно туда Вайолет и направлялась, но ее остановило любопытство, когда она увидела, что здесь будут проводить какую-то особенную церковную службу.

Распорядительница на минутку отошла от арочного прохода, чтобы посмотреть в спину уходящего мужчины. Удобным случаем тут же воспользовалась Вайолет, она проскользнула внутрь, заняла ближайшее свободное место, и как раз вовремя: настоятель церкви уже взошел на стоящий посередине клироса амвон, с левой от нее стороны.

– Господь да пребудет с вами! – возгласил он.

– И с духом Твоим! – отозвались вокруг нее женщины в размеренном ритме, столь знакомом по церковным службам.

– Господу помолимся!

Вайолет вместе с другими склонила голову, как вдруг почувствовала, что кто-то ткнул ее пальцем в плечо. Она сде-

¹ *Исаак Уолтон* (1593–1683) – английский писатель, наиболее известен как автор трактата о рыбной ловле «Искусный рыболов».

лала вид, что не заметила, – не станет же распорядительница прерывать молитву.

– Господь всемогущий, Ты, исстари повелевший так, чтобы святилище Твое убрано было украшениями прекрасными и рукоделиями искуснейшими ради прославления имени Твоего святого и укрепления душ человеческих! Молим Тебя, соизволи принять эти дары в руки Твои и устрой так, чтобы мы навсегда посвятили себя служению Тебе, ради Господа нашего Иисуса Христа. Аминь!

Вайолет посмотрела вокруг. Стулья в пресбитерии, как и на клиросе, были развернуты вовнутрь, а не смотрели вперед, по направлению к главному алтарю церкви. По другую сторону, прямо напротив Вайолет, в креслах, обращенных друг к другу, рядами сидели женщины, а на заднем плане виднелась каменная алтарная стенка, украшенная ажурной резьбой в виде арок и причудливых узоров. На самом верху ее стояли погребальные ларцы с мощами епископов и останками королей и королев, к несчастью перемешавшихся между собой во время Гражданской войны, когда сторонники Кромвеля, вероятно, вскрывали ларцы и в беспорядке разбрасывали кости. Во время экскурсии, на которую Вайолет отправилась сразу после того, как переехала в Уинчестер, экскурсовод сообщил, что солдаты швыряли бедренные кости прямо в Большое западное окно и перебили в нем все витражи. В 1660 году, как только Карла II восстановили на троне, окно тоже было восстановлено – из оставшихся оскол-

ков цветного стекла, — но было переделано по-новому, без всяких попыток воссоздать прежние библейские сцены. Тем не менее выглядело окно вполне прилично, как и погребальные ларцы — чистенькие, словно и не подвергшиеся некогда разграблению, они покоились теперь у нее над головой, словно были там всегда и навсегда там останутся. Само здание собора выглядело незыблемым и прочным, хотя в отдельных частях оно не раз разбиралось и восстанавливалось.

Невозможно представить, что в этом добротном и крепком здании, где сейчас они смиренно читают молитву Господню, могли твориться такие ужасы. Но ведь с таким же успехом невозможно было представить, что незыблемая, старая добрая Британия станет воевать с Германией и пошлет на войну умирать так много мужчин. Потом страна снова поднялась из руин, ее собрали воедино, как и Большое западное окно, Британия осталась непокоренной, но след от урона остался.

— С верой в Господа нашего, Иисуса Христа, приносим мы эти дары во славу Божию.

Настоятель протянул руки к главному алтарю, возвышающемуся в дальнем конце пресбитерия. Вайолет повернула туда голову, чтобы увидеть, о каких дарах идет речь, и едва сдержала смех. На ступеньках перед алтарем ровными, плотными рядами лежали десятки подушечек для коленопреклонений.

Она понимала, что смеяться над этим нехорошо. Эти по-

душечки – дело серьезное. Вайолет всегда была благодарна прямоугольным кожаным подушечкам, размером с детскую книжку с картинками, в церкви Святого Михаила, которую семейство Спидуэлл посещало в Саутгемптоне. Несмотря на то что с годами, за время множества молитв с преклонениями они изнашивались и превратились в тоненькие, твердые досочки, становиться на них коленками было все же не так холодно, как на каменный пол. Она и подумать не могла, что для них требуется специальное освящение. Так вот, оказывается, чему посвящена эта особая церковная служба.

Вайолет взглянула на часы: она ушла из своей конторы, чтобы купить ленту для печатной машинки, с тайной надеждой успеть забежать по пути в кафе и выпить кофе. Но вместо этого Вайолет решила зайти в собор и заглянуть в Рыбацкую часовню. Ее покойный отец страстно любил рыбную ловлю, и на его прикроватном столике всегда лежала книжка Исаака Уолтона «Искусный рыболов»... Впрочем, она ни разу не видела, чтобы он читал ее. А вот сейчас Вайолет сомневалась, стоит ли задерживаться и пропускать работу ради этих подушечек.

Молитва закончилась, и снова в плечо ее забарабанил чей-то острый палец. Служба, наверное, будет идти дольше, чем ей понадобится времени на питье кофе или на паломничество к Уолтону, но разве можно допустить, чтобы эта женщина так третировала ее.

– Я тоже участвую в этой службе, – проямлила Вайолет,

прежде чем привратница раскрыла рот.

Та сморщила лоб.

– Вы что, вышивальщица? Что-то я не видела вас на наших занятиях.

Вайолет никогда не слышала этого слова и не вполне понимала, что оно значит.

– А я новенькая, – быстро соврала она.

– Но этот обряд только для тех, кто уже что-то сделал. Придется подождать до октября, когда будет следующая служба. Тогда вы сможете участвовать, но только если представите свою работу.

Если бы распорядительница тогда не бросила взгляда на левую руку Вайолет, та могла бы согласиться, мол, да, эта служба не для нее, и спокойно уйти. Ведь ей так и так надо уже спешить – купить ленту для печатной машинки и вовремя вернуться в офис. Тем более эти церковные службы частенько бывают скучны, даже в таком великолепном соборе, как Уинчестерский. Но Вайолет претила мысль о том, какое суждение составила о ней распорядительница, увидев, что она не носит обручального кольца. Она не удержалась и в свою очередь посмотрела на левую руку своей недоброжелательницы. Ну да, у нее на пальце, конечно, кольцо есть.

Чтобы набраться храбрости, Вайолет перевела дух.

– А мне сказали, что я могу прийти.

Сердце ее колотилось – так бывало частенько, когда она чувствовала в груди бунтарский дух, не важно, насколько

сильный. Например, полгода назад, когда Вайолет сказала матери, что уезжает в Уинчестер, сердце ее так сильно забилося, что ей показалось, оно сейчас выскочит из груди. «Тебе тридцать восемь лет, а ты до сих пор всего боишься», – подумалось ей.

А распорядительница нахмурилась еще больше:

– Кто именно вам это сказал?

Вайолет показала рукой в сторону одной из закутанных в меха женщин, сидящих на клиросе, в алтарной части.

– Миссис Биггинс? Так и сказала, что вам можно прийти? – В первый раз в голосе распорядительницы послышалась некоторая неуверенность.

– Мэйбл, ш-ш! – Теперь и другие пытались утихомирить густо покрасневшую распорядительницу.

В последний раз бросив сердитый взгляд на Вайолет, она отступила и снова встала на страже арочного прохода.

А настоятель меж тем добрался до середины своей речи.

– На протяжении столетий этот великолепный храм, – говорил он, – получал дары в виде множества украшений из дерева или камня, металла или стекла с целью поднять дух тех, кто приходит сюда помолиться, напомнить им здесь о славе Божией, как на земле, так и на небесах. Ко всему этому великолепию теперь прибавились подушечки для коленапоклонений, которые вы видите перед алтарем, – и это только начало масштабного проекта, задуманного для того, чтобы не только создать атмосферу уюта для тех, кто участ-

вует в богослужениях, но и привнести красоту на клирос и в пресбитерий. Коллектив вышивальщиц Уинчестерского кафедрального собора был с моей подачи организован в прошлом году мисс Луизой Песел. Слово «вышивальщица» было заимствовано из названия «Досточтимый цех вышивальщиков» – гильдии, учрежденной еще во времена Средневековья. Наш новый коллектив кафедральных вышивальщиц будет служить напоминанием о замечательной истории этого ремесла, возрожденного старанием мисс Песел и соединяющего наше далекое прошлое с настоящим. Сегодня здесь присутствуют многие из членов этого коллектива. Все вы славно потрудились своими иглами, ваши прекрасные вышивки на этих подушечках станут украшением пресбитерия, а скоро вы начнете вышивать и подушки для сидений и скамей, расположенных на клиросе. И мы все увидим не только великолепные цветистые узоры среди наших куда более сдержанных красок дерева и камня, но всем молящимся станет гораздо удобнее преклонять во время молитвы свои колени.

Он помолчал, но улыбка на его губах говорила о том, что оратор сейчас произнесет тонкую, достойную его сана шутку.

– И с таким же успехом подушки на сиденьях, надеюсь, значительно облегчат прихожанам возможность сосредоточить свое внимание на моих проповедях.

По церкви прошелестел сдержанный смех.

Когда настоятель продолжил, Вайолет бросила быстрый взгляд на женщину, что сидела рядом с ней и смеялась менее сдержанно, чем остальные. Лицо ее было худым, угловатым, по форме напоминало длинный равнобедренный треугольник вершиной книзу, от подбородка расширяющийся к вискам, каштановые же волосы были подстрижены так, что образовывали еще один треугольник, стороны которого торчали вдоль щек. Она тут же повернулась к Вайолет, глядя на нее горящими темными глазами, словно взгляд Вайолет явился для нее визитной карточкой.

– А я вас раньше не видела, – прошептала она. – Вы, наверное, из группы, которая по понедельникам? А ваши подушечки там есть?

– Ммм... нет.

– Еще не закончили? А мне удалось завершить работу на прошлой неделе, как раз перед концом приемки. Пришлось бежать через весь город, чтобы успеть. Мисс Песел и миссис Биггинс насчет этого очень строгие. Сдала прямо мисс Песел, лично в руки.

Сидящая спереди женщина повернула голову и прислушалась, и соседка Вайолет сразу замолчала. Но через минуту снова начала, правда уже потише:

– А вы над чем работаете, над подушечкой под коленки? Вайолет покачала головой.

– А в чем дело, стежки не очень получаются? – Она сочувственно кивнула и продолжила: – Мою вышивку три раза

мне возвращали, пока не приняли. Вас что, заставляют сма-
тывать нитки? Или наводить порядок в шкафах? Там вечно
черт ногу сломит, только это ужасно скучно. А может, ведете
документацию? Держу пари, что это так.

Женщина бросила взгляд на руки Вайолет, словно хоте-
ла найти на пальцах пятна чернил. А заодно, конечно, об-
ручальное кольцо – Вайолет уже успела заметить, что у той
кольца на руке нет.

– А я от документации сразу отказалась. У меня ее на ра-
боте хватает.

Женщина спереди обернулась.

– Ш-ш! – одернула она.

Вайолет с соседкой обменялись улыбками. Всегда хоро-
шо, преступая закон, иметь подельника, пусть даже слишком
ретивого.

Служба наконец неспешно подошла к концу: настоятель
закончил свою речь, спели еще один гимн – «О святой Гос-
поди, доволен жить...» – были произнесены еще несколько
славословий. К тому времени Вайолет уже сильно опаздыва-
ла, ей нужно было срочно бежать. И тут ее узколицая сосед-
ка спохватилась.

– Меня зовут Джильда Хилл! – выкрикнула она Вайолет
вслед.

Вайолет перебежала внешний дворик собора, засеянный
зеленой травкой участок, и помчалась по Хай-стрит к канце-
лярскому магазину Уоррена. Купив ленту для печатной ма-

шинки, она поспешила обратно в контору компании «Страхование Южных графств» и влетела туда, запыхавшаяся и красная как рак.

Но спешить не было никакой необходимости: офис машинописного бюро, где она работала вместе с еще двумя машинистками, оказался пуст. В более крупных офисах той же компании в Саутгемптоне, где Вайолет работала прежде, управляющий относился гораздо строже к тому, что касается прихода, ухода и опозданий подчиненных. А здесь, в крохотном офисе, где все, казалось бы, на виду, можно было предположить, что долгое отсутствие Вайолет будет сразу замечено. Но нет, ничего подобного. Правда, ей не очень-то хотелось получать выговор, но она была даже несколько разочарована тем, что никто не обратил внимания на ее пустой стул, а также на то, что ее черная печатная машинка с белыми клавишами не издает ни звука.

Вайолет оглядела покинутые столы своих подруг по работе. Их звали Олив и Морин, но сами они называли себя проще: «О» и «Мо» – и пронзительно хохотали, отзываясь на эти клички, даже если никто больше не смеялся. Должно быть, сейчас попивают себе чаек на кухне для персонала в конце коридора. Вайолет тоже отчаянно хотелось выпить чашечку с печеньем, чтобы заморить червячка. На обед она съела лишь принесенные с собой сэндвичи с мармайтом и маргарином. Этого ей всегда не хватало, и к середине дня она снова была голодна как волк, поэтому пламя в желудке

приходилось гасить чаем. Миссис Спидуэлл была бы потрясена, узнав, что Вайолет ест горячее днем всего только раз в неделю. Больше она не могла себе позволить – хотя матери в этом никогда бы не призналась.

В голове мелькнула мысль: не присоединиться ли к коллегам на кухне. О и Мо – девушки местные, обеим едва перевалило за двадцать, и к Вайолет они относились в целом неплохо. Но они вышли из совсем других слоев общества и смотрели на нее, как на какую-нибудь африканскую фиалку или герань в горшке на подоконнике старой незамужней тетушки. Обе жили со своей семьей и к деньгам относились легкомысленно – впрочем, как и сама Вайолет совсем недавно. Одна очень хорошенькая, другая попроще – они частенько щеголяли в новых платьях, насколько могли себе это позволить. Жизнь их вращалась вокруг танцплощадок, свиданий с походом в кино, где из вереницы мужчин можно было выбирать жениха. А мужчин их возраста у них было много, и на танцы они ходили не так, как когда-то, сразу после войны, ходила Вайолет, правда всего несколько раз. Танцевать ее всегда приглашали мужчины, годившиеся ей разве что в дедушки, или совсем желторотые юнцы, или же с такими увечьями, которые уже не вылечишь. А случилось, что мужчин вообще не было, и за неимением партнеров женщины танцевали друг с другом. Стуча на машинках, О и Мо болтали про своих кавалеров и смеялись над ними, словно не было ничего странного в том, что мужчин на всех хвата-

ло. За полгода, что работала с ними Вайолет, каждая успела сменить несколько дружков, хотя в последнее время обе стали более серьезно относиться к своим ухажерам. Порой и веселое их настроение, и прогнозы насчет этих молодых людей так Вайолет надоедали, что она отправлялась на кухню ставить чайник, даже когда чая совсем не хотелось, она просто сидела, стараясь успокоиться, потом возвращалась в комнату и продолжала печатать. Печатала она быстро, в этом девушкам до нее было далеко, но, кажется, они находили в ее профессионализме нечто забавное.

Только один раз Мо задала ей вопрос о том, был ли у нее в жизни парень – «еще тогда».

– Да, – коротко ответила Вайолет, ей не хотелось превращать свои отношения с Лоренсом в анекдот.

Но на этой неделе все было еще хуже. Даже перспектива выпить чая с печеньем не могла перевесить страха Вайолет перед необходимостью наблюдать, как маленькая, пышущая здоровьем Олив вытягивает перед собой руку с растопыренными пальцами, чтобы в сотый раз полюбоваться своим помолвочным кольцом. В понедельник она явилась в офис совсем не такая, как раньше, щеголяя новой прической с высоко зачесанными кудряшками и выпячивая от гордости грудь. Она обменялась с Мо, уже сидящей на рабочем месте за своей печатной машинкой, самодовольной и хитрой улыбочкой, потом сняла тонкий шифоновый шарфик, пальто и повесила на крючок.

– Я отлучусь на минутку, мне надо переговорить с мистером Уотерманом.

Олив стащила перчатки, и Вайолет не смогла удержаться и поискала на пальце О колечко – и действительно, там что-то сверкнуло. Бриллиант был крохотный, но ведь это бриллиант!

Высокие каблучки туфелек О – не чета скромным туфлям-лодочкам Вайолет – застучали по коридору. А Мо, та, что поумней, чем ее подруга, но, по общему мнению, не столь привлекательная внешне: с бесцветными волосами, длинным и вечно хмурым личиком, опустила голову, и улыбка ее увяла. Если бы Вайолет в эту минуту была поотзывчивей, она бы обязательно заверила Мо, что нынешний ее молодой человек, немногословный банковский служащий, который пару раз останавливался возле их офиса, наверняка скоро сделает ей предложение. Но Вайолет была не в настроении, затрагивать эту тему ей совсем не хотелось, поэтому она промолчала, оставив Мо томиться и страдать.

С того самого дня, когда О торжествующе выставила на показ свое колечко, девушки говорили только об этом: о том, как Джо делал предложение – в пабе, опустив колечко на дно стакана с коктейлем из портвейна с лимоном, – о том, как долго придется ждать, чтобы скопить денежек на приличную свадьбу – два года! – где состоится свадьба – в том же пабе, – и в чем невеста появится на венчании и свадебном ужине. Подвенечное платье будет, конечно, белое, а не цвета слона-

вой кости, но лично Вайолет считала, что это ошибка, белый цвет для лица Олив будет слишком ярким. Еще О сообщила о том, где они будут жить – в доме его родителей, пока не смогут купить себе отдельное жилье. Эти разговоры были столь однообразны и банальны, без каких бы то ни было интересных или неожиданных откровений, ни намека на светлые надежды, на мечты о счастье, что Вайолет казалось, она свихнется, если будет слушать все это еще целых два года.

Она закурила, чтобы отвлечься от грустных мыслей, а заодно приглушить голод. Вставила в машинку чистый лист и принялась тупо печатать текст заявления некоего мистера Ричарда Тернера из Бейзингстока на страхование дома, гарантирующее ему компенсацию в случае, если сам дом и все его содержимое будут утрачены при пожаре, наводнении или ином стихийном бедствии. Вайолет обратила внимание на то, что в перечне стихийных бедствий отсутствует слово «война». Интересно, подумала она, понимает ли сам мистер Тернер, что возмещение он получит не при любых обстоятельствах утраты имущества.

Впрочем, думала она в процессе печатания далеко не всегда. Вайолет за всю свою жизнь успела напечатать подобных текстов так много – текстов, в которых говорится о страховании жизни, дома, автомобиля или катера, – что редко вдумывалась в смысл самих слов. Печатание для нее давно стало бездумным, рутинным актом, некой медитацией, успокаивающей ее, погружавшей в состояние полного отсутствия

всякой мысли: Вайолет ни о чем не думала, она просто существовала.

Совсем скоро вернулись О и Мо, их щебет послышался еще в самом конце коридора, прервав ее подобный гипнотическому трансу покой.

– Только после вас, миссис Хилл, – сказала Мо, сделав шаг в сторону и жестом пропуская Олив в открывшуюся дверь.

Обе были в новеньких летних платьях с цветочками: О в платье персикового цвета, Мо – рыжевато-коричневого. Это напомнило Вайолет, что ее простенькому синему хлопчатобумажному платьицу уже исполнилось три года, а заниженная талия на нем давно вышла из моды.

– Ничего не имею против, мисс Уэбстер... и, надеюсь, будущая миссис Ливингстон.

– Не знаю, не знаю, – отозвалась Мо, хотя на личике ее было написано, что она очень этого хочет.

Олив со стуком поставила чашку с чаем возле машинки, пролив немного жидкости на блюдечко.

– А я в этом не сомневаюсь! Ты можешь выйти замуж даже раньше, чем я. И быть у меня на свадьбе не подружкой невесты, а свидетельницей! – Тут она снова вытянула перед собой руку, чтобы полюбоваться колечком.

Вайолет на минутку перестала печатать. Миссис Хилл... Фамилия достаточно распространенная. И все же...

– А у твоего жениха есть сестра? – спросила она.

– Кто, Джильда, что ли? А в чем дело? Ну, есть... высох-

шая старая дева...

Тут Олив вдруг припомнила, что Вайолет тоже не замужем, и, прикусив язычок, засмеялась. До Вайолет дошло, что О говорит про Джильду пренебрежительным тоном, поэтому она решила, что Джильда Хилл – вполне симпатичная особа.

Глава 2

Жила Вайолет в пятнадцати минутах ходьбы до работы, в районе, который назывался Соук, в восточной части Уинчестера, за речкой Итчен. На жалованье машинистки она не могла себе позволить жилье в районе получше, на западе города, где дома больше, сады гуще, улицы всегда чисто убраны, а автомобили в гораздо лучшем состоянии. В Соуке дома меньше, зато обитателей в них гораздо больше. Автомобилей было совсем мало, а покрытые пылью товары в витринах магазинов гораздо дешевле.

В домике, где она проживала, было еще две жилички, а также хозяйка, занимавшая первый этаж. Мужчин в доме, конечно, не было, гости мужского пола, кроме родственников, на первом этаже не приветствовались, а на втором принимать их вообще было запрещено. Мужчин пускали только в редких случаях и в комнату, выходящую окнами на улицу. Причем миссис Харви, так звали хозяйку, имела обыкновение то и дело входить, делая вид, что ищет газету «Саутерн дейли эко», которую она где-то оставила, или очки, а еще покормить волнистых попугайчиков – клетка с ними стояла в этой комнате, – поковырять кочергой в камине, когда никто на холод не жаловался, или же напомнить, что гость засиделся и может опоздать на поезд. Кроме брата, из мужчин к Вайолет в гости никто не приходил, но миссис Харви так ве-

ла себя с ним, что Вайолет пришлось показать ей семейную фотографию в доказательство того, что Том действительно ее брат. Но и тогда надолго хозяйка вдвоем их не оставляла и то и дело совала в полуоткрытую дверь голову, чтобы напомнить Тому о том, что заправочные станции по субботам закрываются рано. Том относился к этому как к клоунаде.

— У меня такое чувство, будто я участвую в какой-то пьесе и она сейчас войдет и объявит, что в буфетной найдено мертвое тело с раной в голове, нанесенной свинцовой дубинкой, — весело заметил он.

Легко ему было веселиться, выходки миссис Харви были для него забавой, а Вайолет жила с ней в одном доме. Время от времени Вайолет приходила в голову мысль, что, переехав в Уинчестер, она сменила мать на мачеху, не менее хитрую и коварную. Но с другой стороны, здесь всегда можно было отправиться наверх и закрыться от всех ее проделок у себя в комнате, а вот с матерью провернуть такой трюк было не так-то просто. Закрытые двери миссис Харви уважала, правда, при условии, что за ними не прячутся мужчины, а в Саутгемптоне мать иногда вваливалась в спальню Вайолет так, словно двери вообще не существовало.

Вернувшись с работы домой, от предложенного хозяйкой чая Вайолет отказалась, но тайком пронесла к себе в комнату молоко и там же поставила свой чайник. Сегодня это уже седьмая чашка, даже несмотря на то, что часть дня она провела в церкви. Чашки чая у нее служили перерывами между

сном и пробуждением, дорогой на работу и началом работы, обедом и снова работой, окончанием печатания какого-нибудь сложного контракта и началом другого, концом работы и началом вечера. Порой такие перерывы знаменовались сигаретами, но от сигарет кружилась голова, чай же всегда приводил ее внутренний мир в порядок. Кроме того, сигареты были гораздо дороже.

Сидя с чашкой перед холодным камином – на улице еще не достаточно холодно, чтобы можно было оправдать сжигание угля, – Вайолет оглядывала свою тесную комнатку. В ней было тихо, тишину нарушало только тиканье деревянных часов, их она несколько недель назад высмотрела в антикварной лавке. Сквозь тюлевые занавески пробивались лучи солнышка и падали на ковер, вышитый красно-желто-коричневым узором. «Какая яркая расцветка, просто гром и молния!» – говаривал ее отец, глядя на этот ковер. С крючка вешалки свисали бежевые чулки, они сушились после стирки. В углу стоял неприглядный и выдавший виды платяной шкаф с плохо закрывающейся дверцей, где висел скудный набор платьев, юбок и кофточек, которые она привезла с собой из Саутгемптона.

«Совсем не так я все это себе представляла, – вздохнула про себя Вайолет, – жизнь в Уинчестере виделась мне совершенно иначе...»

Бегство в Уинчестер в прошлом ноябре случилось совсем неожиданно. После смерти отца Вайолет полтора года жила с матерью, но жизнью это можно было назвать с натяжкой, скорее – жалким существованием. От женщин, подобных Вайолет – без перспектив выйти замуж, – все ждут, что они станут заботиться о родителях. Она и старалась как могла – так, по крайней мере, ей казалось. Но миссис Спидуэлл стала совершенно невыносимой, впрочем, она и всегда была такой, даже до гибели на войне старшего сына. Она родилась в эпоху, когда дочери были послушны и знали свое место, с матерью держались почтительно, во всяком случае до замужества, а после замужества во всем слушались мужа – хотя это вовсе не значило, что миссис Спидуэлл была покорной супругой. В детстве Вайолет с братьями удавалось ускользать от слишком пристального внимания матери, они всегда играли вместе, сплоченной компанией, а вождем выступал совсем не строгий Джордж. Миссис Спидуэлл частенько поругивала Вайолет за то, что она ведет себя как мальчишка.

– Вечно у тебя коленки расцарапаны, вечно ты ходишь непричесанная... А еще эта твоя идиотская страсть к книжкам. Боюсь, ты никогда замуж не выйдешь, – заявляла она.

Мать и не догадывалась о том, что, когда начнется война, найдется кое-что похуже книжек и расцарапанных коленок,

что помешает дочери выйти замуж.

Когда Вайолет выросла и еще был жив отец, она находила в себе силы держаться, тем более что отец умел разряжать атмосферу и переводить на себя раздражение матери. Он вскидывал за ее спиной брови, улыбался дочери, мягко пошучивая, когда это было уместно. Но когда его не стало, у миссис Спидуэлл, кроме дочери, не оставалось иного объекта для критического взгляда – младший сын Том уже несколько лет был женат, жил своим домом и тем самым избежал этой участи. Вот тогда-то Вайолет пришлось в полной мере познать всю тяжесть материнского внимания.

Как-то раз вечером они сидели возле камина, и Вайолет принялась подсчитывать поводы для недовольства и жалоб своей матери.

«В комнате почему-то темно. Радио что-то бормочет, не разобрать. Чего это они смеются, разве это смешно? Приправа для салата на ужин наверняка уже скисла. Какая у тебя жуткая прическа, неужели нельзя завить волосы? Ты что, потолстела? Я совсем не уверена в том, что Том с Эвелин должны отдавать Марджори в эту школу. Что бы подумал об этом Джефффри? Боже мой, опять этот дождь! В коридоре так и тянет сыростью».

Восемь штук подряд, думала Вайолет. Но больше всего огорчило ее не ворчание и жалобы матери сами по себе, а то, что она, Вайолет, стала их считать. Она тяжело вздохнула.

– Ну что ты все вздыхаешь, у тебя такое грустное лицо,

что смотреть не хочется, – снова проворчала мать. – Тебе это не идет.

На следующий день на работе, на доске с информацией Вайолет заметила объявление, что в преуспевающем, несмотря на экономический спад, региональном офисе компании в Уинчестере требуется машинистка. Вайолет стиснула чашку с чаем и закрыла глаза. «Нечего вздыхать», – решила она, открыла глаза и направилась к управляющему.

Со сменой места работы и жительства все оказалось гораздо проще, чем она ожидала, во всяком случае вначале. Управляющий компанией «Страхование Южных графств» против ее перевода не возражал. Том тоже ее поддержал: «Ну наконец-то!» – а комнату у миссис Харви она нашла без особого труда. Осторожное сообщение Вайолет о том, что она переезжает жить в Уинчестер, мать поначалу приняла с поразительным равнодушием.

– В Канаду, вот куда тебе нужно ехать. Только там можно найти себе мужа. – это все, что она сказала.

Но в дождливую ноябрьскую субботу, когда приехали Том с Эвелин и детишками и брат принялся грузить в машину скудные пожитки сестры, миссис Спидуэлл осталась в гостиной и не захотела даже вставать с кресла. Рядом с ней на столике стояла чашка с остывшим нетронутым чаем, а она дрожащими пальцами поглаживала обтянутые тканью ручки кресла.

– Когда Господь забрал от нас Джорджа, я и подумать не

могла, что мне придется пройти через такое тяжелое испытание... и я потеряю еще одного ребенка, — объявила она на всю комнату.

Дети — Марджори и Эдвард — сидели на полу перед печкой с горящим углем и собирали пазлы. Племянница Вайолет подняла серьезное личико к бабушке, ее широко раскрытые карие глаза следили за руками миссис Спидуэлл, которые продолжали беспокойно приглаживать ткань на ручках кресла.

— Мама, что ты такое говоришь! — воскликнула Вайолет. — Я буду жить от тебя всего в двенадцати милях!

Но она понимала, что в каком-то смысле мать права.

— И что мой ребенок сам, нарочно все сделает так, чтобы я его потеряла, — продолжала миссис Спидуэлл с таким видом, точно и не слышала слов Вайолет, будто дочери вообще не было в комнате. — Это непростительно! У бедного Джорджа хотя бы не было выбора. Шла война, и он защищал свою страну. Но такое! Это настоящее предательство!

— Да ради бога, мама! Вайолет же не умерла, в конце-то концов! — вмешался Том, проходя мимо с коробкой, куда были уложены тарелки, чашки и столовые приборы, без которых, как надеялась Вайолет, мать вполне обойдется.

— Это все она! Если в одно прекрасное утро я не проснусь и много дней никто не будет знать, что я умерла в своей постели, она пожалеет об этом! Впрочем, может, и не пожалеет. Будет себе и дальше жить-поживать, как раньше.

– Мамочка, а что, наша бабушка собирается помирать? – спросил Эдвард.

Рука его с квадратиком пазла застыла в воздухе. Незаметно, чтобы он очень расстроился от этой мысли, ему было просто интересно.

– Ну, хватит болтать об этом, – ответила Эвелин.

Эта живая, энергичная брюнетка привыкла к ворчанью миссис Спидуэлл, и Вайолет всегда восхищалась, глядя, как ловко Эвелин научилась осаживать свою свекровь. Конечно, всегда проще, если ты не кровный родственник. После войны и Том стал ходить у жены по струнке. Вайолет очень уважала невестку, но была так затюкана матерью, что сблизиться, подружиться с Эвелин ей так и не удалось.

– Ну, дети, – продолжала Эвелин, – подойдите к тете Вайолет и поцелуйте ее на прощанье. А потом мы с вами пойдем в магазин, а папа отвезет тетю в Уинчестер.

Марджори с Эдвардом поднялись на ноги, подошли к Вайолет и послушно поцеловали ее в щечку. Она не могла при этом не улыбнуться.

– А почему мы не поедem в Уинчестер? – спросил Эдвард. – Я хочу покататься на папиной машине.

– Я тебе уже все объяснила, Эдди. Тете Вайолет надо перевезти вещи, и для нас в машине нет места.

На самом-то деле вещей у тети Вайолет было немного. Она сама удивилась, что за всю жизнь у нее набралось всего несколько чемоданов и коробок. На заднем сиденье оста-

валось место еще для одного человека, и ей очень хотелось, чтобы Эдвард прокатился с ней и с отцом. Мальчишка он был живой и бойкий, ехать с ним куда веселей: будет болтать всю дорогу, что на ум взбредет. А она, слушая его, на время забудет о своих невзгодах. Но Вайолет понимала, что просить об этом нельзя, что ни Эдвард, ни Марджори с Эвелин с ней никуда не поедут, поэтому она промолчала, и все принялись надевать обувь и пальто. На улице шел дождь.

Когда всем стало ясно, что миссис Спидуэлл не собирается вставать и провожать дочь, как она всегда делала и потом стояла возле раскрытой двери, пока гости не скроются из виду, Вайолет подошла к матери и поцеловала ее в лоб.

– До свиданья, мама, – пробормотала она. – В воскресенье я навещу тебя.

– Можешь не беспокоиться! – фыркнула та. – К воскресенью я, может, уже помру.

Одно из лучших достоинств Тома заключалось в том, что он всегда знал, когда нужно помолчать. Пока они ехали в Уинчестер, он за всю дорогу не произнес ни слова, позволив Вайолет как следует выплакаться. Съездившись возле запотевшего окошка, вдыхая запах кожи и горячего масла, она сидела на мягком сиденье и всхлипывала. Впрочем, когда подъезжали к Туайфорду, всхлипывания звучали уже реже, а потом и совсем прекратились.

Вайолет всегда нравилось ездить на красивой, выкрашенной в черную и коричневую краску машине Тома. Она

изумлялась, как это ограниченное пространство, отделяя от остального мира, ловко и быстро переносит из одного места в другое.

– Надо и мне купить машину, – заявила Вайолет, вытирая глаза носовым платочком с вышитыми фиалками – ей сейчас очень пригодился этот подарок Эвелин на Рождество.

Сказать-то она сказала, но сама прекрасно понимала: позволить себе такую роскошь она не может. Откуда взять столько денег? Впрочем, почему бы не потешить себя несбыточными мечтами?

– Ты научишь меня водить машину? – игриво спросила брата Вайолет и, закулив сигарету, приоткрыла окно.

– Вот молодец, хорошо придумала, сестренка, – ответил Том, переключая передачу, чтобы взять подъем.

Его добродушная, покладистая натура помогала Вайолет годами мириться и со сварливой матерью, и с невзгодами войны. Вскоре после гибели старшего брата Тому исполнилось восемнадцать, и он без колебаний пошел воевать. О том, что он испытал во Франции, Том никогда не рассказывал. О гибели брата и о потере жениха Вайолет они также не говорили. Вайолет понимала, что она недооценивала Тома, такое часто случается со старшими братьями и сестрами по отношению к младшим. Они оба обожали Джорджа и во всех детских играх старались брать с него пример. А когда его не стало, растерялись. Хотела ли Вайолет взять на себя роль старшей и во всем подавать пример Тому? Если так, то

у нее ничего не вышло. Работала она всего лишь на должности машинистки в страховой компании, замуж так и не вышла и своей семьи не создала. А Том потихонечку вырвался вперед, хотя никогда не делал на этом акцент, не торжествовал, но и не чувствовал себя виноватым. Да ему это было и ни к чему: он мужчина, а мужчины всегда должны добиваться своего.

После того как под бдительным оком миссис Харви они перетаскали вещи Вайолет, Том пригласил сестру перекусить.

– Ты же знаешь, мама у нас крепкий орешек, – старался он утешить и подбодрить сестру, уплетая рыбу с жареной картошкой. – Она много пережила: потерю Джорджа, да и отца тоже. И это как-нибудь переживет. И ты переживешь. Главное, не сиди сиднем дома. Иначе станешь... как это называется? Бирюк? Вот-вот, бирючихой станешь. Почаще гуляй, встречайся с людьми.

Он, конечно, имел в виду с мужчинами. Том был куда деликатнее в этом вопросе, чем мать. Но Вайолет понимала: Том тоже хотел бы, чтобы случилось чудо, она встретила в жизни человека и вышла замуж, пусть даже в ее далеко не юном возрасте. Хотя бы за какого-нибудь вдовца, что ли, у которого уже взрослые дети. Или за калеку, нуждающегося в помощи. Пусть война закончилась тринадцать лет назад, увечья, полученные на ней, остаются на всю жизнь. А выйдя замуж, сестра освободит Тома от утомительной заботы о

ней, тогда ему уже не о чем будет беспокоиться. Иначе ведь Вайолет, возможно, придется когда-нибудь жить вместе с его семьей – с незамужними старыми девами часто такое случается.

Но познакомиться с мужчиной не так-то просто, ведь их теперь на целых два миллиона меньше, чем женщин. Вайолет успела прочитать множество газетных статей про так называемых «лишних женщин», какими их прозвали в печати, в результате войны не сумевших выйти замуж и теперь уже вряд ли способных найти мужа. Журналистам, видно, понравился этот ярлык, они всячески смаковали его, а для Вайолет это было как иголка под ноготь. Чаще всего просто раздражало, как раздражает заноза, но бывало, что иголка эта проникала глубже и ранила до крови. Вайолет надеялась, что с возрастом боль ослабеет, но удивилась, когда поняла, что даже в тридцать восемь лет – а это уже вполне зрелость – подобные ярлыки могут больно ранить. Но иногда ее называли и похуже: оторва, мегера, мужененавистница.

Про Вайолет нельзя было сказать, что она ненавидит мужчин и может без них обходиться. Два или три раза в году она надевала свое лучшее платье из тонкой вечерней ткани бронзового цвета с фестончиками и отправлялась в бар какой-нибудь гостиницы Саутгемптона. Она сидела там за бокалом шерри и с сигаретой и ждала, когда кто-нибудь проявит к ней интерес. Таких мужчин она называла «мой шерримен». Иногда дело заканчивалось между ними где-нибудь

в тихом переулке, в автомобиле или в парке, но никогда у него дома и уж конечно не в доме ее родителей. Быть для кого-то желанной было приятно, хотя от подобных свиданий Вайолет не ощущала столь острого наслаждения, что она испытала однажды с Лоренсом, когда с ночного неба то и дело падали звезды.

Каждый год Вайолет с отцом и братьями ходили смотреть на августовский звездопад. Впрочем, сама Вайолет не очень-то любила это занятие, но отцу она ничего не говорила, смотрела, как звезды яркими строчками прошивают черное ночное небо. Зрелище это никогда не казалось ей достаточно эффектным, чтобы перевесить разные неудобства: она почему-то всегда мерзла, даже в августе, трава была мокрая от росы, да и шея болела. Словом, звездолет из нее был никудышный, Вайолет предпочитала сидеть в тепле.

Но вот звездопад в августе 1916 года, когда приехавший на побывку Лоренс пришел повидаться с ней, ей навсегда запомнился. В тот день они сели на поезд, доехали до Ромси, поужинали в пабе, потом отправились погулять и прямо посреди поля расстелили на траве коврик. Если бы кто-нибудь случайно на них набрел, он имел бы возможность услышать небольшую лекцию Лоренса о Персеидах, осколках бывшей кометы, о том, что Земля каждый август пересекает их орбиту и в небе можно наблюдать феерический метеоритный дождь. Они нарочно отправились за город, чтобы понаблюдать это зрелище, просто полюбоваться, больше ничего. И

они действительно любовались, лежа на спине и взявшись за руки, правда недолго.

После того как они засвидетельствовали на небе несколько метеоритных строчек, Вайолет повернулась на бок, лицом к Лоренсу: она почувствовала, что ей в бедро вонзился оказавшийся под ковриком острый камешек.

– Да, – сказала она, глядя на Лоренса.

Хотя никакого вопроса Лоренс вслух не задавал, он всегда висел между ними, с той самой поры, когда год назад они обручились.

В темноте не видно было, как он улыбнулся, но она почувствовала это. Он тоже повернулся на бок лицом к ней. И скоро никакого холода Вайолет больше не чувствовала, и движение звезд в небе над головой ее уже не интересовало, теперь она ощущала только движение его тела, прижавшегося к ней.

Говорят, что в первый раз женщине всегда больно, что у нее течет кровь и что к этому акту нужно привыкать. Ничего подобного с Вайолет не случилось. Она воспламенилась сразу, казалось, что она пылает теперь ярче любой Персеиды, и восхищенный Лоренс был просто на седьмом небе от счастья. Они надолго задержались в поле и опоздали на последний поезд домой. Пришлось семь миль топать пешком, пока их не догнал какой-то ветеран бургских войн на своей машине: в свете фар он сразу узнал походочку солдата и остановился. С улыбкой глядя на травинки, запутавшиеся в при-

чески Вайолет, и заметив в ее глазах неподдельное счастье, предложил их подбросить.

А уже через неделю семья получила телеграмму о том, что их Джордж погиб в боях за Дельвийский лес. А через год в битве при Пашендейле погиб и Лоренс. Им с Вайолет так больше и не удалось насладиться друг другом – ни в поле, ни в номере гостиницы, ни даже где-нибудь под кустиком в парке. С каждой потерей Вайолет словно проваливалась в какую-то темную яму, в душе возникала пустота, она остро переживала свою беспомощность и отчаяние. Сначала погиб старший брат, потом жених, и Бог... нет, не погиб, конечно, но покинул ее. И пустота эта рассасывалась очень долго, если она вообще могла когда-нибудь рассосаться.

Через несколько лет, когда Вайолет немного смирилась с утратами, она попробовала снова испытать то, что испытала в ту ночь с Лоренсом, – с одним из старых друзей Джорджа, который прошел всю войну без единой царапины. На этот раз не было никаких Персеид – одно только болезненное переживание каждого мгновения акта, напрочь убившее всякое удовольствие и вызвавшее лишь лютую ненависть к его жестким, как резина, губам.

Вайолет казалось, что и со своими «шеррименами» она больше никогда не получит удовольствия. Она со смехом рассказывала о них своим шокированным подругам. Но продолжалось это недолго: одним подругам удалось выскочить замуж, хотя свободных мужчин осталось совсем мало, дру-

гие с головой окунулись в жизнь, полную чувства одиночества и лишенную мужской ласки, и им больше не хотелось выслушивать про ее похождения. Жизнь ее замужних подружек во многом поменялась: они быстренько перековались, вырядились в одежды убежденных традиционалисток и теперь чурались всего нового, искренне возмущаясь по любому поводу. Еще бы, ведь один из ее «шеррименов» легко мог оказаться их мужем. Так что Вайолет в изменившихся условиях предпочитала при них помалкивать о том, какие фокусы она выделывала по несколько раз в году. В жизни подружек постепенно взяли верх мужья и дети, а теннис, походы в кино, танцульки отошли на десятый план, потом и совсем исчезли, и лодка дружбы, как говорится, налетела на рифы быта. Когда Вайолет уезжала из Саутгемптона, ей не пришлось сожалеть о расставании с кем-то, некому было оставлять свой новый адрес, некого приглашать на чашку чая.

* * *

– Вайолет, ты где, о чем задумалась? – спросил Том, оторвавшись от недоеденного жареного картофеля и внимательно поглядев на сестру.

Вайолет слегка помотала головой:

– Извини... просто... ну, ты понимаешь.

Брат протянул к ней руки и обнял – неожиданно для нее, ведь между ними как-то не было принято обниматься. Пеш-

ком они вернулись к дому миссис Харви, где Том оставил машину. Вайолет стояла у входа и смотрела, как, шурша шинami, уезжал по мокрой улице автомобиль, потом поднялась к себе наверх. Она осталась одна в своей новой, обшарпанной комнате, за закрытой дверью, отгородившись от всего мира, и ей снова захотелось плакать. Но все слезы она успела выплакать по дороге из Саутгемптона. Вайолет оглядела скудную мебель, кивнула и поставила чайник.

Глава 3

Оказалось, что Вайолет совершенно не представляла, как трудно прожить одной на зарплату машинистки. Может быть, она и догадывалась об этом, но дала себе твердый зарок как-нибудь справиться – такова была цена независимости от матери. Когда Вайолет жила с родителями, почти две трети своего недельного жалованья она отдавала им для ведения домашнего хозяйства, а себе оставляла пять шиллингов – расходы на обед, одежду, сигареты, дешевые журналы – и еще несколько шиллингов откладывала в банк. С годами ее сбережения росли, она понимала, что они пригодятся ей к старости, когда родителей у нее не станет. А теперь приходилось потихоньку эти деньги тратить, причем существенно больше, чем Вайолет рассчитывала, – ведь надо было платить за жилье, а кроме того, были и разные мелкие расходы на то, чтобы сделать комнату более уютной и сносной для проживания. В доме матери в Саутгемптоне было полно лишних вещей, но у Вайолет хватило ума не спрашивать о них. Вот если бы она отправилась на поиски мужа в Канаду, может быть, миссис Спидуэлл и соизволила бы отправить за тысячу миль кораблем кое-какую мебель. Но посылать что-нибудь всего за двенадцать миль, да еще по хорошей дороге было как-то даже обидно. Так что Вайолет пришлось рыскать в Уинчестере по комиссионным магазинам в поисках деше-

венького прикроватного столика или массивной зеленой пепельницы. В то время как в Саутгемптоне у нее в спальне стоял вполне приличный ротанговый столик, а в гостиной родного дома почти такая же пепельница. То же самое и с парой тарелок из майолики, чтобы украсить камин, тогда как у матери хватало всяких безделушек в коробках на чердаке. Когда Вайолет уезжала, ей и в голову не пришло прихватить с собой что-нибудь в этом роде, поскольку прежде ей никогда не приходилось придавать жилой вид чужой комнате.

Жалованье у Вайолет в уинчестерском офисе все еще составляло тридцать пять шиллингов в неделю, ровно столько, сколько она получала в Саутгемптоне. Для простой машинистки это считалось неплохо – она уже десять лет проработала в этой компании, печатала быстро и без ошибок. Когда Вайолет жила дома, эти деньги казались очень большими, почти каждый день она могла позволить себе горячий обед и, покупая сигареты, не задумывалась, хватит ли ей на губную помаду. Но вот одной на такое жалованье прожить оказалось не так-то просто. Это как обувь не по ноге – носить-то, конечно, можно, но жмет, натирает и оставляет мозоли. Теперь, когда Вайолет приходилось в одиночку кое-как выживать на эти деньги, она поняла, почему родители ее относились к ним почти так же, как к карманным деньгам на мелкие расходы, хотя она гордилась тем, что зарабатывает и дает деньги на содержание дома и хозяйства.

Теперь Вайолет столько же платила своей хозяйке, кото-

рая готовила ей только завтрак, а ужинала Вайолет уже на свои, а ведь платить еще надо было за стирку и уголь – дома такого не было. Стоило только ей выйти, сразу начинались траты – чуть-чуть здесь, немного там, но в целом набиралось довольно прилично. Жизнь – это постоянные расходы. У Вайолет уже не было возможности откладывать на черный день. Приходилось как-то выкручиваться, урезать расходы. Она стала носить одну и ту же одежду, стирать белье под крапом, чтобы не оплачивать непомерные счета прачечной, сама чинила платья, а изношенные места прятала под брошками и шарфиками, понимая при этом, что, как ни ухищряйся, старые тряпки новей не станут. А на какие деньги приобретать новые?

Вайолет перестала покупать газеты и журналы, стала читать те, что оставались после О и Мо, экономила на помаде. Курение сократила до трех сигарет в день. А на ужин довольствовалась сардинками с подсушенным хлебцем или жареной килькой – цены на мясо кусались. Вайолет почти никогда не завтракала, предпочитала просто кусочек румяного хлеба с повидлом, но поскольку теперь за это тоже надо было платить, она заставляла себя есть сваренное в мешочек яйцо, которое ей каждое утро подавала миссис Харви, после чего на работу являлась, чувствуя тошноту и слабость. Раз в неделю она ходила в кино – уступка единственной слабости – и в этот день вообще почти ничего не ела. Первый фильм, что она посмотрела в Уинчестере, назывался «Почти медо-

вый месяц», там мужчина за двадцать четыре часа должен был познакомиться с женщиной и жениться на ней. Смотреть на экран Вайолет было неприятно и мучительно, даже захотелось уйти из зала на середине картины, но там было так тепло, да и жалко стало потраченных денег, ведь на них она могла поесть...

Каждое воскресенье Вайолет садилась на поезд и ехала в Саутгемптон, чтобы сходить с матерью в церковь, деньги на билеты она тоже брала из своих тающих сбережений. Миссис Спидуэлл и в голову не приходило предложить дочери оплачивать дорогу туда и обратно. О деньгах с Вайолет она вообще не заговаривала, как, впрочем, и о работе или Уинчестере, о том, как ей живется на новом месте, поэтому поддерживать разговор с матерью было непросто. Более того, миссис Спидуэлл весь день только ворчала и жаловалась на жизнь, словно всю неделю копила недовольство, чтобы в воскресенье вылить его на дочь. Когда рядом не было Тома с Эвелин и детьми, Вайолет находила отговорку, извинялась и уезжала пораньше, мучаясь в душе от собственной дерзости и чувства вины перед матерью. Потом сидела у себя в комнате, читала какой-нибудь роман – она с трудом пыталась осилить произведения любимого отцом Троллопа², – или шла гулять по заливным лугам у реки, или же успевала зайти к концу вечерни в Кафедральный собор Уинчестера.

² *Энтони Троллоп* (1815–1882) – английский писатель, один из наиболее успешных и талантливых романистов Викторианской эпохи.

Всякий раз, когда Вайолет вступала в собор через главный вход под Большим западным окном и видела перед собой длинный неф и огромное пространство над головой, ограниченное великолепным сводчатым потолком, ей казалось, будто над ней нависает груз всех девяти веков жизни этого здания, и сразу хотелось плакать. Это было единственное место в городе, специально построенное для того, чтобы вкушать здесь духовную пищу, и где Вайолет реально чувствовала, что, пребывая здесь, она духовно насыщается. И вовсе не обязательно от церковных служб и обрядов, которые, если не говорить про вечерню, были довольно шаблонны и всегда одинаковы. Впрочем, и многократное повторение одного и того же в духовном смысле тоже действовало благодатно. Но главное было в том, что ее всегда охватывало благоговейное чувство просто от пребывания здесь, от сознания того, что в этом храме на протяжении многих столетий его существования молились тысячи и тысячи разных людей. Всем им необходимо было иметь такое место, где хоть на время можно обрести свободу, отбросить одолевающие их повседневные заботы и тревоги о том, чем зимой заплатить за уголь для печки, где достать денег на новое пальто, и размышлять о вечном, о великих проблемах жизни и смерти.

Вайолет любила этот храм и за его более осязаемые особенности: цветные витражи в окнах, изящные сводчатые потолки и арки, резные орнаменты, старинные облицовочные плитки с рисунками, искусно сработанные усыпальни-

цы епископов, королей и представителей других благородных фамилий, изящно раскрашенные выпуклые орнаменты, покрывающие места соединения между каменными ребрами арок на высоком потолке. Во всем этом чувствовалась мощная энергия, вложенная трудом их создателей на протяжении долгой истории храма.

Как и большинство не очень длинных церковных обрядов, вечерню служили на клиросе. Мальчики-певчие с тщательно вымытыми шаловливыми личиками сидели на своих отдельных скамьях, прихожане на своих, расположенных рядом со скамьями пресбитерия. Вайолет подозревала, что набожные прихожане, регулярно посещающие церковь, вечернюю службу, по сравнению с воскресной утреней, считают поверхностной. Но Вайолет предпочитала музыку полегче, чем ревущий и рокочущий орган, и проповеди покороче и попроще, чем во время утрени, когда прихожан всячески пугают небесными карами. Сама она не молилась и к молитвам не прислушивалась – все молитвы ее пропали на войне вместе с Джорджем, Лоренсом и целым поколением молодых и здоровых мужчин. Но когда Вайолет сидела на скамье на клиросе, ей было очень приятно смотреть вверх на арки из резного дуба, украшенные листьями, цветами и фигурками животных и даже изображением Зеленого человека³, усы которого превратились в густой лиственный орнамент.

³ *Зеленый человек* – мотив в искусстве раннего Средневековья; изображение часто отождествляется с божеством природы.

Краешком глаза Вайолет видела, насколько пугающе громадно пространство нефа, но, сидя здесь и слушая звучащие, казалось, отовсюду неземные голоса мальчиков, она чувствовала себя в безопасности, пустота, которая порой угрожала поглотить ее, здесь отступала. Иногда она тихонько, стараясь, чтобы никто этого не видел, плакала.

Однажды в воскресный день, через несколько недель после службы освящения вышитых подушечек, Вайолет пришла в церковь довольно поздно, в пресбитерии с проповедью уже выступал один приезжий настоятель. Она потихоньку проскользнула на свободное место, отодвинув в сторону лежащую на скамье подушечку для коленопреклонений, но потом взяла ее, положила себе на колени и стала разглядывать. Подушечка была прямоугольной формы, размером примерно девять на двенадцать дюймов, в центре ее на покрытом разноцветными крапинками синем фоне был вышит в виде медальона горчичного цвета круг. На медальоне среди синне-зеленой листвы был изображен букет из дубовых веточек с желудями, шляпки которых вышиты клетками. И в четырех углах подушечки были вышиты такие же желуди с клетчатыми шляпками. Из-за удивительно яркой расцветки фона узор смотрелся неподобающе веселеньким для атмосферы храма. Это напомнило Вайолет фон средневековых гобеленов мильфлёр с их затейливыми композициями из листьев и цветов. Здесь узор был попроще, но и в нем отчетливо звучало эхо прошедших эпох.

Вайолет положила изделие на пол и оглядела лежащие на сиденьях остальные подушечки: на всех посередине, на синем фоне был вышит украшенный цветами или веточками круг. На все сиденья таких подушечек еще не хватало, на других были просто нашиты ничем не примечательные контрастные ромбики из красного и черного фетра. Новые подушечки с вышивкой поднимали настроение, изменяли атмосферу пресбитерия, придавая ей красочность и возбуждая чувство, что именно в таком ключе и должно проходить всякое богослужение.

В конце службы Вайолет подняла подушечку и снова стала ее разглядывать, с улыбкой проводя пальчиком по желудям с их шляпками в клеточку. Ей всегда казалось, что необходимость сохранять торжественно-важные лица в храме противоречит жизнеутверждающей красоте его витражей, резных деревянных узоров, скульптур из камня, великолепной архитектуры здания, ясных, как хрусталь, голосов хора мальчиков, а теперь вот еще и этих подушечек.

Вдруг Вайолет почувствовала, что кто-то смотрит на нее, и подняла голову. В проходе стояла женщина примерно ее возраста и пристально разглядывала лежащую на коленях у Вайолет подушечку. На ней было свободного покроя пальто травянисто-зеленого цвета с разрезом сзади и двойным рядом больших черных пуговиц. В тон ему голову украшала темно-зеленая фетровая шляпка с перьями, заткнутыми за черную ленту. Несмотря на модный наряд, впечатление

модницы она не производила, казалось, эта женщина просто сделала шаг в сторону и вышла из потока текущего времени. Волосы были не завиты, бледно-серые глаза будто блуждали на ее лице.

– Простите... не возражаете, если я... – Женщина протянула руку и перевернула подушечку обратной, полотняной стороной. – Мне очень нравится смотреть на нее, когда я бываю здесь. Видите ли, это я ее вышивала. – Она похлопала по ранту подушки.

Вайолет сощурила глаза: там были вышиты инициалы и год – «Д. Дж. 1932».

– Вы долго над ней работали? – спросила Вайолет отчасти из вежливости, но и не без любопытства.

– Два месяца. – Женщина продолжала разглядывать свое рукоделие. – Несколько раз пришлось распускать вышивку. Такие подушечки могут прослужить здесь не одну сотню лет, поэтому надо, чтобы с самого начала все было без ошибок.

Она немного помолчала.

– Как говорят, «*Ars longa, vita brevis*»⁴, – процитировала она латинское изречение, которое любила повторять учительница латыни у Вайолет в школе.

– Да, – согласилась Вайолет.

Но она не могла представить себе, что такая подушечка может просуществовать несколько сотен лет. Война отучила ее предполагать, будто что-то в этом мире может жить долго,

⁴ «Жизнь коротка, искусство вечно» (лат.).

даже такие сооружения, как собор, а уж тем более какая-то там подушечка для коленопреклонений. Ведь всего только двадцать пять лет назад водолаз по имени Уильям Уолкер пять лет работал здесь, укрепляя фундамент Уинчестерского собора, – чтобы здание не рухнуло само по себе, он использовал тысячи мешков цемента. Ничего нельзя принимать как должное.

Вайолет вдруг пришла в голову мысль: интересно, думали ли о ней, женщине 1932 года, которая и живет, и молится совсем не так, как жили и молились они, строители собора, работавшие здесь девятьсот лет назад, думали ли они, что она будет стоять под арками, возведенными их руками, рядом с толстыми колоннами, попирать ногами сработанные ими в средние века плитки, освещенная льющимся сквозь витражи светом. Нет, конечно, они не могли представить себе ее, Вайолет Спидуэлл.

Она протянула руку, как только увидела, что Д. Дж. кладет подушечку на сиденье и собирается уходить.

– А вы тоже член Общества кафедральных вышивальщиц?

– Да, – после короткой паузы ответила Д. Дж.

– А если кто-то захочет связаться с ними, как это можно...

– На крыльце есть доска, а на ней расписание наших занятий.

Женщина глянула Вайолет в глаза, а потом, вслед за остальными прихожанами, вышла.

Вайолет вовсе не собиралась искать никакой доски объявлений. Ей казалось, что она забыла про подушечки и не вспомнит о них больше. Но через несколько дней отправилась прогуляться мимо собора и неожиданно для себя оказалась перед той самой доской, где висела написанная каллиграфическим, как и у ее матери, почерком табличка. Вайолет переписала номер телефона миссис Хамфри Биггинс и тем же вечером попросила у хозяйки разрешения позвонить по ее телефону.

Миссис Биггинс ответила сама:

– Комптон, двести двадцать.

Вайолет поняла сразу, что это не дочь или домовладелица и даже не сестра ее. Голос миссис Биггинс был так похож на голос матери в ее лучшие дни, что Вайолет молчала, словно язык проглотила, и миссис Биггинс пришлось повторить свою фразу, которая на этот раз прозвучала несколько раздраженно:

– Комптон, двести двадцать. Да говорите же, сколько можно молчать? Звонят, а потом молчат... терпеть не могу! Вот возьму и позвоню в полицию, будете тогда знать!

– Простите, – пролепетала Вайолет. – Наверно, я ошиблась номером...

Но нет, она-то понимала, что номером она не ошиблась.

– Я... Я звоню по поводу подушечек в соборе...

– Ваша манера говорить по телефону отвратительна, милочка! Что у вас в голове творится? Прежде всего вы должны отчетливо назвать свое имя, затем попросить разрешения поговорить со мной, а уже потом сообщить, по какому поводу вы звоните. Итак, попробуйте еще раз.

Вайолет задрожала и хотела уже положить трубку. Когда в дом Спидуэлл провели телефон, мать Вайолет дала ей несколько уроков телефонного этикета, хотя сама частенько вела себя так, что отбивала у людей всякую охоту звонить по этому номеру. Теперь, к счастью, Вайолет взяла себя в руки – она поняла, что иначе упустит шанс иметь в Уинчестерском соборе свою подушечку.

– Меня зовут Вайолет Спидуэлл, – послушно, как маленькая девочка, проговорила она. – Я бы хотела поговорить с миссис Биггинс по поводу изделий с вышивкой для собора.

– Так-то лучше. Что-то вы поздно вато звоните, милочка, да и время выбрали неудачное. Наши занятия скоро заканчиваются, на все лето, и снова мы соберемся только осенью. Мисс Песел и мисс Блант необходимо время, чтобы разработать узоры для следующей партии.

– Ну хорошо, я потом перезвоню. Извините за беспокойство.

– Постойте, куда вы так торопитесь, мисс Спидуэлл. Простите, я правильно обращаюсь к вам словом «мисс»?

– Да, – сквозь зубы ответила Вайолет.

— Эх, молодежь, быстро же вы опускаете руки!

Как давно уже Вайолет перестали приписывать к молодежи...

— А вы хоть умеете вышивать? Мы занимаемся вышиванием по полотну для подушечек на сиденья и под колени. Вы имеете понятие, что это такое?

— Нет.

— Ну конечно. А зачем нам привлекать людей, которые в жизни не держали иголки в руках? Вы представляете, сколько приходится с такими возиться?

— А вы смотрите на меня как на чистое полотно, на котором не придется распускать стежки, чтобы исправить ошибки.

Тон миссис Биггинс сразу стал мягче.

— Здесь вы, возможно, и правы, мисс Спидуэлл. С чистого листа действительно бывает легче начать. Сейчас мы встречаемся два раза в неделю, по понедельникам и средам, оба дня с половины одиннадцатого до половины первого, а потом с половины третьего до четырех часов. Приходите на следующее занятие, посмотрим, что с вами делать. В худшем случае будете заниматься подсобной работой... копировать рисунки или, там... наводить порядок в шкафах.

Вайолет сразу вспомнила, что говорила Джильда насчет шкафов.

— Вообще-то, миссис Биггинс, в это время я не могу. Вы понимаете, я ведь работаю.

– Работаете? И где же?

– В офисе.

– Зачем же тогда звоните? Да еще так поздно... вы знаете, который час? Если у вас нет времени, боюсь, от вас для кафедральных вышивальщиц толку мало. Мы требуем от наших членов полной самоотдачи.

– Но...

Вайолет замолчала, она думала, как объяснить этой самоуверенной и чванливой женщине, что она очень хочет изготовить подушечку для коленопреклонений, подушечку, которую подкладывают под колени, чтобы не больно было стоять во время молитвы, причем именно для кафедрального пресбитерия. Такую подушечку, что еще долго будет служить людям, даже после ее смерти. Много веков назад какие-то другие люди делали резьбу на сиденьях для певчих, красивые скульптуры святых из мрамора, прочные колонны и арки или подбирали одно к другому кусочки цветного стекла для окон – все эти великолепные дополнения к зданию, предназначенному для того, чтобы человек поднимал глаза к небу и благодарил Бога. Вайолет тоже хотелось сделать нечто подобное тому, что создали они. Детей у нее уже, скорей всего, не будет, и если ей суждено оставить в мире после себя какой-то след, придется сделать это как-то иначе. Конечно, подушечка для коленопреклонений – вещь довольно пустая, и лепта ее будет самая крохотная, но что еще ей остается делать?

– Я бы очень хотела вышить для собора подушечку для коленопреклонений, – сказала она наконец тихим голосом и сразу же возненавидела себя за это.

– Многим хочется, милая моя, – вздохнула миссис Биггинс. – Но нам требуется... совсем не то, что хочется вам... Рисунки для подушечек на сиденья и скамьи на клиросе разрабатывает мисс Песел. Для работы нам требуются настоящие мастерицы. Нам не нужны начинающие, которые надеются покорить собор какой-нибудь простенькой подушечкой под коленки.

Вайолет молчала. За годы жизни с матерью она хорошо усвоила, что молчание бывает действенной слов.

– А в какой компании вы работаете? – вдруг спросила миссис Биггинс.

– «Страхование Южных графств».

– Что?! И начальником у вас мистер Уотерман?

– Да.

– Ну, в таком случае проблем не будет. Он живет в нашем поселке. Я с ним знакома по местному орнитологическому обществу. Скажите ему, что миссис Хамфри Биггинс настоятельно просит, чтобы он предоставил вам полдня свободного времени в счет отпуска, чтобы посещать наши занятия.

Но Вайолет отнюдь не хотелось жертвовать ежегодным отпуском ради занятий вышиванием.

– А нет ли каких-нибудь занятий после работы, по вечерам или, скажем, по субботам?

– Вы что же думаете, мы станем устраивать наши занятия так, как удобно вам? – фыркнула миссис Биггинс. – У многих свои семьи, там тоже хватает работы. Повторяю, попросите мистера Уотермана, чтобы освободил вас на это время от работы. Жду вас в среду в половине десятого в доме на внутреннем дворе. Доброй ночи! – И она повесила трубку.

Вайолет даже не успела ничего сказать в ответ. Это еще неизвестно, у кого манера говорить по телефону нуждается в доработке, подумала она.

* * *

Оказалось, что правила миссис Биггинс, касающиеся поздних звонков, лично на нее не распространялись. Когда на следующее утро Вайолет пришла на работу, на ее столе лежала записка мистера Уотермана с разрешением в среду утром на работу не приходить. Должно быть, сразу после разговора с Вайолет миссис Биггинс, несмотря на поздний час, перезвонила ее начальнику, – видимо, опасалась, что та не станет сама просить мистера Уотермана. Немного позже Вайолет столкнулась с начальником в коридоре и поблагодарила его. Невзрачный человечек с каштановыми волосами, рыхлой кожей на лице и обвисшими усами, прикрывающими его неуверенную улыбку, сразу втянул голову в плечи, словно миссис Биггинс сидела где-то поблизости в засаде.

– Я не против, если только в счет ежегодного отпуска, –

ответил он, — тем более что на столь благое дело.

Мистер Уотерман помолчал, теребя не вполне чистые манжеты своей рубашки. Вайолет подумала, что миссис Биггинс наверняка отбелила бы их так, что они бы сияли как новенькие.

— Но берегитесь, мисс Спидуэлл, — добавил он. — Если миссис Биггинс кого подцепит своим остреньким коготком, она уж его не отпустит!

Начальник круто развернулся и поспешил в сторону, противоположную той, откуда шел, словно испугавшись, что наговорил лишнего.

Глава 4

Вайолет, конечно, несколько раздражало такое вмешательство миссис Биггинс, как и ее противоречивые послылы – мол, обязательно приходите в среду, но толку от вас все равно будет мало. Однако неожиданно для себя самой она с нетерпением ждала встречи с вышивальщицами. Брат ее давно уже, с самого переезда Вайолет в Уинчестер, приставал к ней, чтобы она вступила в какой-нибудь кружок: любителей пеших прогулок, исторический, какой-нибудь церковный благотворительный фонд – все равно, лишь бы у нее появились друзья и, соответственно, ухажеры. Теперь Вайолет могла с чистым сердцем ответить ему, что последовала его советам, хотя, если честно, найти ухажера в кружке вышивальщиц ей вряд ли светит.

Странное было чувство – в среду не вставать рано на работу, не спешить с завтраком и не ждать очереди, чтобы помыться. Вайолет сидела в желто-зеленом халате, курила сигарету и слушала, как одна за другой дом покидают его обитательницы: квартирантки по своим работам, хозяйка в магазин за покупками. Наконец она стала одеваться, понимая, что вышивальщицы обязательно обратят внимание на ее наряды, прическу и макияж. После минутного размышления Вайолет надела простенькое светло-зеленое шифоновое платье в желтый цветочек и вязаный жакет на пуговицах, на тот

случай, если в помещении будет прохладно.

Дом, куда ее направила миссис Биггинс, стоял в ряду других зданий во внутреннем дворе, к югу от собора. Вайолет и раньше бывала здесь, но, проходя мимо этих зданий, не задумывалась о том, что творится за их стенами. Когда она подошла к входу, ей стало немного не по себе. Нечто подобное она испытала и в первый день работы в уинчестерском офисе, в такие минуты в душе происходит внутренняя борьба между жадой чего-то нового в жизни и привязанностью к теплому комфорту привычного. Сбоку на двери висел звонок с маленькой надписью от руки: «Звоните». Увидев эту глупую надпись, Вайолет тут же захотела повернуться и поскорей уйти. Но куда? Обратно в пустую комнату? Или гулять по улицам, разглядывая витрины с товарами, когда в кармане пустой кошелек? Или на работу, где никто даже не заметит ее отсутствия?

В общем, она взяла себя в руки и позвонила. Почти сразу же ей открыла девушка, оглядев ее с головы до ног, и, не успев Вайолет раскрыть рот, отбарабанила:

– Вверх по лестнице, потом направо и прямо по коридору до самой последней комнаты.

«Откуда ей известно, куда мне надо?» – подумала Вайолет и тут же пожалела, что оделась так нелепо. Ей сразу захотелось переодеться, но вот во что, она и сама не знала. Она легко нашла нужную комнату и заставила себя смело открыть дверь и войти – так бросаются в холодное море. Она

не опоздала: шагая по коридору, Вайолет слышала, как колокола собора отбивали полчаса, но почти все из дюжины стульев вокруг длинного стола были уже заняты. Одни женщины сидели, склонившись над своими холстами, и, изредка поглядывая на узор, вышивали разноцветными шерстяными нитками, тыча иголками то с одной, то с другой стороны холста. Другие тихонько переговаривались, склонившись над вышивками, наверное, обсуждали приемы работы или сравнивали результаты.

Когда Вайолет вошла, никто и головы не поднял. Вайолет даже испугалась: может, она перепутала время и занятия начались в десять или даже в половине десятого. Нет-нет, она была уверена, что миссис Биггинс велела приходить в половине одиннадцатого. Должно быть, все эти женщины страстно любят свое занятие. В комнате чувствовалась атмосфера спокойной целеустремленности с капелькой самоудовлетворенности, хотя последнее предположение могло звучать как упрек и, конечно же, было бы яростно ими отвергнуто.

Хотя во время обряда освящения вышивок в соборе Вайолет так и не догадалась, кто из присутствующих миссис Биггинс, здесь она сразу признала ее по поведению и манерам, столь похожим по стилю на ее разговор по телефону. На миссис Биггинс была блузка с высоким воротом, волосы зачесаны вверх и копной уложены на макушке, в стиле, характерном для начала века. Она не расхаживала по комнате, время от времени заглядывая через плечо то одной, то другой

работающей вышивальщицы. Напротив, она сидела во главе стола, где полагалось бы сидеть какому-нибудь председателю совета директоров компании во время собрания, милостиво позволяя вышивальщицам самим подходить и класть перед ней образчик своей работы как некое подношение. Миссис Биггинс критически осматривала работу и выносила свой приговор. Вайолет успела заметить, как она привела в полное уныние трех по очереди подходивших к ней вышивальщиц.

– Нет, нет и нет, вы используете только два оттенка синего в этом углу. Вам надо хорошенько усвоить первое правило мисс Песел для работы с фоном – по всей поверхности обязательно использовать три оттенка, тогда ваша вышивка обретет фактурность и появится ощущение полутонов. Придется вам, милочка, распустить вашу вышивку и все переделывать.

– Вот видите, здесь у вас слишком натянуто, стежки туговаты, а натяжение неодинаковое. Это никуда не годится – эту часть распускайте полностью.

– Вы что, соединили здесь два стежка? Чередуете крестик и большой крест? Нет, дорогая моя, нет! Мисс Песел, конечно, приветствует смелые эксперименты со стежками, но, умоляю вас, никогда не чередуйте вот эти два. Все с самого начала!

И все три отвечали ей почти одно и то же:

– Да, мэм. Я все переделаю.

Или еще что-нибудь в этом роде. Потом поспешно возвращались на свое место с видом собачек, получивших нагоняй за то, что стащили с обеденного стола косточку. Вернувшись к себе, они хмуро переговаривались с соседками.

— А где ваша работа? — строго задала вопрос миссис Биггинс подошедшей к ней Вайолет.

— Я еще ничего не успела сделать. Я в первый раз пришла. Мы с вами вчера говорили по телефону.

— А-а, мисс Спидуэлл, верно? Так у вас, значит, нет никакого опыта, вы никогда не занимались вышиванием? Хорошо, давайте начнем. Вы будете работать с миссис Уэй. Мэй-бл! — позвала она. — Это мисс Спидуэлл, она поможет вам привести в порядок шкаф.

Тоненькая женщина в сером платье и с такой же серой от седины прической отошла на шаг от стоящего в углу большого шкафа. И Вайолет сразу узнала ее — это была та самая распорядительница, которая пыталась прогнать Вайолет из клироса во время обряда освящения вышивок. Та тоже узнала новенькую и вздрогнула.

— Там и так вроде все в порядке, миссис Биггинс, — сразу уперлась она. — Да мне и не нужна ничья помощь.

— Чепуха! Опрятный шкаф создает рабочую атмосферу и помогает лучше трудиться.

Вайолет сделала глубокий вдох. Выбора у нее не было, надо постоять за себя, как она сделала, уехав от матери в Уинчестер, или когда несколько недель назад не подчинилась

этой Мэйбл Уэй. Иначе нет никакого смысла тут оставаться.

– Я надеялась научиться здесь вышиванию, а не уборке.

Она проговорила это тихим голосом, но, похоже, все присутствующие ее услышали: в комнате воцарилась мертвая тишина.

Миссис Биггинс резко выпрямилась на стуле, словно в спине у нее была какая-то пружина.

– Мисс Спидуэлл, я понимаю, вам очень хочется сделать ваш уникальный вклад в сокровищницу собора в виде собственноручно вышитой подушечки. Но мы здесь трудимся в атмосфере сотрудничества и все делаем сообща, у каждой из нас есть определенные задачи, многие из которых выходят за рамки чисто вышивания и тем не менее чрезвычайно важны для нашей работы. Итак, ступайте к Мэйбл и вместе с ней превратите этот несчастный шкаф в самый опрятный во всем Уинчестере! И только тогда мы станем учить вас, как надо правильно вдевать нитку в иголку.

Выдержав такую публичную порку, Вайолет покраснела как рак. Если вышивание для Уинчестерского собора предполагает все это – наведение порядка в шкафах и унижения у всех на виду, – она, наверное, вышла бы из комнаты и навсегда рассталась с мыслью о подушечке для собора с собственными инициалами. Оставила бы этих несчастных кафедральных вышивальщиц сидеть в комнатушке церковного дома и лучше прогулялась бы по берегу реки, по заливым лугам, полюбовалась на цветущие колокольчики с ма-

ками на ее берегах. Или посмотрела бы, как мальчишки из Уинчестерского колледжа играют в крикет на своем дворе. Или пошла бы домой и достала бутылочку дешевого шерри, к которому старалась прибегать как можно реже. А то еще отправилась бы в Ройял-отель и выпила бы шерри там, хотя это и слишком дорого для ее кармана, и дождалась бы какого-нибудь мужчину, который подсел бы к ней и угостил еще одним бокалом.

Но Вайолет не пришлось этого делать: в комнату с улыбкой вошла женщина, та самая, что сидела на передней скамейке во время освящения вышивок в соборе. И сразу же напряжение, повисшее в комнате, разрядилось. Вайолет еще не встречала человека, который мог так явно воздействовать на общее настроение. Женщина была невысокого роста, лет шестидесяти с небольшим, в очках, с мягким двойным подбородком, широким ртом, седые волосы ее были зачесаны назад и уложены на затылке в неплотный пучок. Легкая улыбка на ее губах скорее подбадривала, нежели выносила приговор человеку, на которого она смотрела.

– Милые дамы, как я рада всех вас здесь видеть! – произнесла она.

И этого оказалось достаточно. Как это часто бывает, лидер, уверенно пользующийся своим авторитетом, не нуждается в том, чтобы всякий раз демонстрировать свою власть, он может позволить себе быть великодушным. У всех появилось такое ощущение, что к ним пришла добрая, хотя и тре-

бовательная мать.

Женщины, которых только что распекали за плохую работу, с удвоенной энергией продолжили распускать нитки узоров, остальные столпились вокруг нее.

– Мисс Песел, можно спросить?

– Мисс Песел, а вы не посмотрите мои петельки, у меня что-то не получается, все время почему-то торчат...

– Мисс Песел, посмотрите, я правильно сочетала оттенки желтого, как вы хотели?

– Мисс Песел...

Ну прямо как школьницы, которым не терпится порадовать любимую учительницу. Даже миссис Биггинс несколько смягчилась.

В конце концов она подойдет и ко мне, подумала Вайолет. Пока шла вся эта суета, мысль о том, чтобы помогать Мэйбл Уэй наводить порядок в шкафу, стала казаться не такой уж противной. Ей очень не хотелось, чтобы мисс Песел записала ее в лентяйки. И стоило Вайолет подойти к огромному шкафу, стоящему у задней стенки, постоянно нахмуренный лоб Мэйбл слегка разгладился, словно по линиям морщин на лбу прошла невидимая резинка.

– Надо же посмотреть и узнать, что в нем такое лежит, прежде чем приступить к учебе, – сказала Вайолет.

Мэйбл Уэй кивнула, не отрывая глаз от мисс Песел, расхаживающей по комнате, точно невеста на свадьбе, встречающая своих гостей.

– Я тоже хочу показать ей свою работу. А вы пока разложите синюю шерсть по кучкам, только смотрите не перепутайте, хорошо? Вот здесь я уже начала, от светлого до темного. – Она показала на мотки шерсти на широком подоконнике рядом со шкафом и поспешила прочь.

Вайолет оглядела мотки. Шерсть она не брала в руки с самого детства, когда бабушка учила ее вязать. Вайолет связала матери ночную кофточку – миссис Спидуэлл ее так ни разу и не примерила, а отцу желто-зеленый шарф. Целых две недели отец послушно носил его на работу, а жена изо дня в день причитала, что все над ним будут смеяться за то, что он так балует свою дочь. Потом этот шарф таинственным образом исчез, но миссис Спидуэлл яростно отрицала, что это ее рук дело.

Мэйбл Уэй отделила синюю шерсть от красной, желтой, оранжевой и коричневой, и Вайолет показалось, что синих оттенков всего только два: голубой да синий, то есть тут и сортировать нечего. Что дальше делать с ними, она не знала и заглянула в шкаф: не нужно ли там что-нибудь прибрать – хотя, если честно, все, что касалось организации и порядка, не было ее сильной стороной. У ее братьев и одежда, и игрушки, и книги всегда содержались в гораздо лучшем порядке. Джордж, например, книжки свои расставлял в алфавитном порядке, Том – по цвету и размеру. А Вайолет сваливала все в одну кучу: и любимые книжки, и те, которые терпеть не могла, и те, что уже прочитала, и еще не прочи-

танные. С одеждой было то же самое: она, конечно, чистила щеткой свои платья и юбки, аккуратно вешала в шкаф, но они непонятно почему вдруг всегда оказывались мятыми и висели в полном беспорядке. И волосы ее, как их ни завивай, скоро опять свисали прямыми прядями. Это было еще ничего, когда Вайолет жила дома, тогда ей было наплевать, но теперь она старалась быть свободной и самостоятельной и обращала внимание на эти маленькие просчеты.

Шкаф у вышивальщиц был довольно красив, если, конечно, содержать такую красоту в порядке. В нем оказалось несколько полок, к каждой приклеена написанная от руки этикетка: *«подушечки под колени»*, *«подушечки на сиденья на клиресе»*, *«подушечки на длинные скамьи на клиресе»*. Там были также разных размеров коробочки, где хранились мотки шерстяных ниток определенного цвета, а также стопки с рисунками разработанных узоров. Несколько коробок с надписью: *«Шаблоны»*, рулоны полотна, сотканного из конопли, с надписями: *«Одностороннее переплетение»*, *«Двойное переплетение»*. Если бы Вайолет хотя бы с полчаса изучала содержимое шкафа, она могла бы понять, как возникает всякий проект вышивальщиц. Возможно, именно для этого миссис Биггинс и поручила ей заняться шкафом.

Шкаф напомнил Вайолет занятия по работе с документацией на секретарских курсах, которые она окончила через пару лет после войны, когда наконец поняла, что замужество ей больше не светит и нужно с большей пользой употребить

свое свободное время, чем быть просто компаньонкой собственной матери. Девушек там обучали главным образом машинописи или стенографии, но несколько занятий было посвящено и организации шкафов с документацией. Там существовали такие, например, правила, что более тяжелые и громоздкие вещи всегда надо ставить на нижние полки, крышки коробок использовать для сортирования и хранения перьев, скрепок и резиновых колец для скрепления бумаг. Вайолет решила, что запоминать эту чушь ниже ее достоинства, и первый же экзамен по организации документации завалила. Вспомнив об этом сейчас, она усмехнулась.

– Так вы, оказывается, здесь! – раздался чей-то голос. – Тогда, после освящения вышивок, я сразу подумала, что вы у нас обязательно появитесь.

Это пришла Джильда Хилл, которая, увидев Вайолет, сразу поспешила к ней. На Джильде было красное с белым платье в цветочек с треугольным, как и ее лицо, вырезом на шее. Яркая помада Джильды заставила Вайолет вспомнить о своих увядших губах.

– Здравствуйте, – смущенно сказала Вайолет и протянула руку. – Меня зовут Вайолет Спидуэлл.

Джильда крепко пожала ей руку.

– А я Джильда Хилл, не забыли? Мы очень мило с вами тогда поболтали. Только не говорите, что миссис Биггинс заставила вас разбираться со шкафом! Да еще, держу пари, в паре с Мэйбл? Она попросила вас рассортировать шерсть?

Лучше всего это делать при естественном свете. Поэтому Мэйбл и положила мотки на подоконник. Неужели она не сказала? Если честно, она бестолочь, каких мало. Видели бы вы ее вышивки! Хотя не мне тыкать в нее пальцем, у меня у самой тоже ничего особенного. Короче, Мэйбл неспроста то и дело отправляют заниматься шкафом. А она или миссис Биггинс, неужели они ничего не объяснили насчет синего цвета? Нет? Тогда вам лучше всего взглянуть на мою вышивку, над которой я сейчас работаю, тогда все сразу поймете.

Джилда достала из стоящей на полу рядом с ней сумки прямоугольную рамку с натянутым на нее полотном.

– Я вышиваю подушечку под колени для пресбитерия. Ничего особенного, конечно, – не то что подушечки для хора.

– А что еще вы тут делаете? – перебила Вайолет, уже дико уставшая от болтовни новой подруги.

– А что, Биггинс вам ничего не сказала? Ну конечно, она никогда не скажет ничего дельного... она думает, что вы это и так знаете. Первое, над чем мы стали работать, были подушечки на стулья возле алтаря в пресбитерии, вот как эта. – Джилда похлопала по своей вышивке. – В конце концов, их должно быть несколько сотен. На эту тему много вариаций – по центру что-то типа этого в средневековом стиле, круглое, с цветочками или геометрическими фигурами, на синем фоне с узорами штриховкой или зигзагами. Мисс Песел говорит, что для фона мы всегда должны использовать как ми-

нимум три оттенка синего, чтобы придать ему фактурность. Вот вы тут разбираете оттенки синего, а их тут четыре, и на подколенную подушечку надо выбрать из них три. Потом кайма, она состоит из красных или коричневых прямоугольничков или квадратиков или же из кремовых или желтых, а по углам небольшой повторяющийся узор. Это делать не очень сложно, и существует удивительное количество вариантов стежков и оттенков, поэтому каждая подушечка имеет свое лицо, и тем не менее все вместе они удивительно гармонируют друг с другом. Вообще, мисс Песел – гениальный дизайнер.

Вайолет кивнула и подумала, представится ли ей сегодня возможность познакомиться с гением.

– Ну вот, значит... существует два вида подушечек для сидений. Для задней части хора размерами поменьше, а для скамей они намного длинней. Подушечки для скамей и некоторые подушечки для кресел вышивают с медальонами по центру, их дизайн разрабатывает мисс Сибил Блант. Они с мисс Песел подруги – она просто придумывает дизайн, поэтому редко здесь появляется. На медальонах должны быть вышиты сцены из английской истории, имеющие отношение к Уинчестеру. То есть с королями, которые правили здесь, или здесь похоронены, или имели отношение к этим местам, как, например, Альфред, Кнут и Ричард Львиное Сердце или какой-нибудь рыцарь короля Артура. А также знаменитые уинчестерские епископы, такие как епископ Уайкхем, кар-

динал Бофорт или Уодлок.

– А женщины бывают?

– Жены. Эмма и Мария Тюдор. Если говорить о стиле вышивки, то исторические медальоны вышиваются сочетанием больших стежков и крестиков пти-пуан, и более тонкими шерстяными нитками, и шелком, – тут требуется большее мастерство. Над ними работают только самые опытные вышивальщицы. Остальные, такие как я, вышивают лишь фон и кайму. Мисс Песел сама вышила верх одной из подушечек с исторической темой, чтобы показать нам, к чему мы должны стремиться. Хотите посмотреть?

Вайолет кивнула.

– Думаю, Биггинс положила ее в шкаф, который стоит в холле. Продолжайте сортировать клубки, а я сейчас принесу. – Джильда вытащила из кучи два мотка синих ниток. – Вот вам третий и четвертый оттенок, – сказала она.

Вайолет широко открыла глаза:

– Они для меня совершенно одинаковые!

– Вот поработаете с ними несколько месяцев, будете видеть разницу! – рассмеялась Джильда.

Она подмигнула Вайолет и поспешила за обещанной вышивкой.

Вайолет внимательно разглядывала мотки с шерстью, изо всех сил стараясь различить оттенки. Она на секунду закрыла глаза, вспоминая курсы рисования, на которые ходила несколько лет назад в Саутгемптоне вдвоем со своей подру-

гой. Но та через год вышла замуж, с головой окунулась в семейную жизнь и пропала, – видимо, ей очень не хотелось, чтобы Вайолет напоминала ей о ее прежнем статусе «лишней женщины». Пока они чирикали карандашами по шероховатой бумаге, их учитель – добродушный мужчина, потерявший на войне руку, говорил им, что они должны, как солдаты, отключить ум и пошире открыть глаза. «Обратите внимание, не ту руку, которой я рисую, – хвала Господу за Его маленькие благодеяния!» – любил повторять он.

Вайолет сразу подумала о Лоренсе: перестал ли он на полях сражений думать или только слушался приказов. Ей не сообщили, как он погиб, у нее не было никаких свидетельств о его гибели – ни от командира, ни от товарищей по оружию. А также никаких подробностей о его окопной жизни типа: «Когда он изображал кайзера, все за животики хватались» – или воспоминаний с употреблением ярких прилагательных или наречий, например: «Лейтенант Фернисс, как и все его товарищи, дрался храбро, и его взвод сыграл огромную роль, защищая отбитый у врага плацдарм». Возможно, этот офицер в тот день написал слишком много подобных писем и исчерпал весь запас возвышенных фраз, эпитетов и гипербола. А может быть, просто никто не видел, что там произошло с Лоренсом Ферниссом: он был одним из сотен британских солдат, погибших 1 августа 1917 года в битве при Пашендейле. Скорее всего, он не сделал ничего из ряда вон выходящего, погибнуть в тот день было просто. Хотя никто ей

ничего не рассказывал, но Вайолет слышала потом, что там была ужасная грязь, и Лоренс мог стать легкой мишенью, застряв в этой грязи.

Однажды вечером они пришли на занятия, и вместо привычного учителя рисования их встретила женщина. Ее стиль очень отличался от стиля коллеги: она установила обычные натюрморты из фруктов, бутылок и стаканов и заставила их рисовать быстро, потом переходить к другому мольберту и снова быстро рисовать, и снова переходить, пока они не вернутся к своему первому мольберту, и вот тут уже надо было потратить на рисование не меньше часа. Вайолет не понимала, для чего это делается и что достигается таким методом, и решила, что преподавательница, наверное, хочет научить их видеть предметы с разных точек, ведь под разным углом зрения они выглядят по-другому. Но ей почему-то очень захотелось выйти и покурить.

Новая учительница подходила к ним сзади, останавливалась, смотрела на рисунки, делала замечания – некоторые даже похвалила. Чтобы не слышать ее голоса, Вайолет попыталась погрузиться в собственные мысли. Она услышала, что кто-то издали назвал ее имя, но только когда увидела руку перед ее едва начатым рисунком, стала слушать.

– Мисс Спидуэлл, о чем вы думаете?

– О брате, – от неожиданности искренне ответила она.

В письме о гибели Джорджа были такие слова: «благородный порыв», «доблестно сражался под непрерывным огнем

врага», «погиб смертью храбрых, защищая священные ценности нашей родины». Она могла повторить эти фразы, потому что мать ее многие годы неустанно твердила их и они в конце концов утратили всякий смысл, иссушились и превратились в какие-то нелепые звуки.

– Прекратите немедленно! – приказала учительница. – Его здесь нет.

Она протянула руку к натюрморту.

– Сейчас вы должны думать только о световом пятне на яблоке или о том, как достигнуть эффекта прозрачности этой бутылки. Вы должны полностью сосредоточиться на предмете, на который вы смотрите, – всего остального для вас не существует. Только это приведет вас к хорошему рисунку, а кроме того, вам самой станет легче, вы должны пребывать здесь и сейчас и не останавливаться.

Последними словами она позволила Вайолет на этот вечер отложить думы о Джордже и Лоренсе. На этом уроке Вайолет сделала свой лучший рисунок и больше ходить на эти занятия не стала – потребность пропала.

И вот теперь, когда нужно было рассортировать мотки шерстяных ниток по оттенкам, она попыталась воскресить в памяти то давнее ощущение: в голову, словно из ниоткуда, приходят разные мысли, а ты отгоняешь их, чтобы совсем ни о чем не думать, но зато ясно видеть. Поразительно, сколько всякого мусора слоняется в пределах сознания: тут и чувство любопытства, и тревога о том, что она не справится с

иглой и не сумеет вышить для собора ничего хорошего, и злость на миссис Биггинс за то, что та с таким удовольствием унижает работниц, а еще робость в попытках найти свое место среди всех этих женщин, которые уже хорошо понимают, что они делают, и легкое беспокойство, что на работе никто даже не обратит внимания на ее отсутствие в первую половину рабочего дня, и размышления о том, чем бы таким поужинать, кроме сардин, бобов или кильки, которые уже в горло не лезут. Наверное, в голове роились и другие мысли, но Вайолет успела изгнать их, снова глянула на мотки шерсти и сразу поняла, что один из синих имел зеленоватый, как у морской волны, оттенок, так же как и ее глаза – а ей всегда хотелось, чтобы они у нее были небесно-голубыми, как вот этот, лазурный моток, который она взяла сейчас и положила в коробку. Интересно, а что принесет показать ей Джильда? Итак, лазурный, холодный синий с оттенком серого, зеленовато-синий и темно-синий. Пара минут – и Вайолет разобрала мотки, а когда вернулась Джильда, у нее все было готово.

– Вот, пожалуйста, – сказала Джильда, раскладывая перед ней прямоугольный кусок вышитого полотна размером примерно тринадцать на тридцать дюймов. В центральном медальоне маленькими, аккуратными стежками пти-пуан тонких оттенков коричневого и кремового цвета ниток было изображено дерево с двумя рыжевато-коричневыми с голубым павлинами на ветках, клюющими гроздья винограда, под кроной дерева паслись животные, козел и олень. Павлиньи пе-

рышки были исполнены с особой тщательностью, а виноградные гроздья мастерски обозначены всего лишь несколькими точками цвета. Вышивка вокруг медальона была более проста и рельефна, выполнена сложным сочетанием толстых ниток в виде кельтских орнаментальных узоров и красных цветочков на желтом фоне.

– Очень изысканно, просто прелесть, – удивилась Вайолет, проводя пальцем по вышитому павлину. – Такая красота... даже не могу представить, как это можно сидеть на такой подушечке.

Тут вдруг раздался смех, но это был не тоненький, звонкий голосок Джильды, но несколько ниже и благозвучней. Вайолет подняла голову, и ей показалось, что она вдруг заглянула в два глубоких темных омута. Не обращая внимания на несмолкающий шум в комнате и выющую рядом миссис Биггинс, прямо в глаза Вайолет внимательно глядела Луиза Песел. Причем глядела так, будто Вайолет была здесь единственной, кто для нее что-то значил.

– А к какому эпизоду истории Уинчестера это относится? – спросила Вайолет. – Я живу здесь недавно, и этого сюжета не знаю.

– Берите дальше, это из Библии.

– Дерево жизни? – попыталась угадать Вайолет.

Как и всем остальным, ей тоже очень хотелось угодить мисс Песел.

– Верно! – так и просияла старушка. – А остальные исто-

рические медальоны будут уже непосредственно связаны с Уинчестером. Просто я подумала, что первый сюжет можно сделать более общим. К счастью, настоятель Селуин со мной согласился. Я призналась ему в этом, когда медальон был уже наполовину готов! – усмехнулась она. – Эта подушечка и еще одна предназначены для сидений церковных служителей с обеих сторон центрального прохода, когдаходишь на клирос. Они немножко длинней остальных, потому что кресла там пошире. Наверное, потому, что сами служители шире нас!

– Мисс Песел, это мисс Спидуэлл, она у нас новенькая, – вмешалась в разговор миссис Биггинс. – Правда, немножко поздновато для нее начинать.

– Начинать никогда не поздно, – возразила мисс Песел. – Нам нужно изготовить сотни таких подушечек. Придется вышивать много лет, и помощь нам никогда не помешает. Как я вижу, миссис Биггинс заставила вас сортировать мотки с шерстью. Это, конечно, хорошо и прекрасно, но если вы хотите вышивать летом, когда у нас перерыв в занятиях, то начинать надо прямо сейчас. Я сама буду вас учить. Мисс Хилл, будьте добры, принесите нам квадрат полотна и образец для мисс Спидуэлл. А рамка пока нам не понадобится.

Джилда улыбнулась Вайолет, обнажив блестящие крупные зубы, – глаза ее при этом сразу превратились в щелки, – и поспешила выполнять поручение.

– Итак, мисс Спидуэлл, вы когда-нибудь вообще занима-

лись вышиванием? – спросила мисс Песел, склонив голову набок, точно птица. – Хотя бы крестиком в школе?

– Нет... – запнулась Вайолет.

Из глубин памяти всплыл смутный образ: мягкий кусок материи, посеревший от времени, усеянный крестиками, из которых получался примитивный дом, гирлянда цветов, буквы, строка песнопения.

– «Господь, дай мне мудрость направить пути мои...» – пробормотала она.

– «...Молю не о богатствах и не о долгой жизни», – закончила мисс Песел. – Старинный образчик вышивки. Очень популярный. Откуда вы его знаете?

– От матери. Ей все еще недостает королевы Виктории. Мисс Песел рассмеялась.

– Та моя вышивка была... не очень удачная, – добавила Вайолет.

– Ну что ж, придется учиться, чтобы получилось удачней. Начнем с основных стежков, которые используются и для вышивки подушечек под колени, и для подушечек на сиденья, – крестик, удлинённый крестик, тент, рис, прямой гобеленовый и петелька. Хотя, по мере продвижения вперед, мы для разнообразия добавляем и другие. Я уверена, что для подушечек на сиденья нам следует отказаться от местной традиции изображать лесной пейзаж зеленым, желтым и коричневым крестиком.

Вайолет улыбнулась: мисс Песел довольно точно описала

стулья в столовой миссис Спидуэлл.

Вернулась Джильда с квадратом бурого полотна и еще одного, с образцами разных стежков синими и желтыми нитками.

— Это итальянская пенька, — пояснила мисс Песел, вручая Вайолет полотно. — А вот гобеленовая иголка, она с большим ушком и притупленным концом. — Она протянула ей иголку и синюю нитку. — Давайте-ка посмотрим, как вы вдеваете нитку... Хорошо, вы это помните. Сегодня в первой половине занятия я научу вас вышивать тентом, гобеленовым, крестиком и удлиненным крестиком. А после перерыва — рисом и петелькой. — Мисс Песел указала на образцы стежков. — Если все пойдет хорошо, к концу дня вы сможете вышить себе собственные образцы!

Вайолет открыла было рот и хотела сказать, что на работе ее отпустили только на утро, но передумала. Кто заметит ее отсутствие? Да и кому это надо? Двум подружкам О и Мо? Мистеру Уотерману? Она довольно легко наверстает на работе то, что не напечатала сегодня. А если мистер Уотерман будет недоволен, она пожалуется миссис Биггинс, и та его чем-нибудь припугнет.

— А теперь несколько правил, — продолжала мисс Песел. — Не пользоваться острой иголкой, поскольку она треплет полотно. Только иголкой с тупым концом. Не оставлять узлов, они обязательно развяжутся, а если нет, то вышивка все равно останется неровной, будет бугорок. Лучше обвязать его,

сделать через него стежок, а узелок обрезать – я вам покажу. Стежки располагайте близко друг к другу, надо заполнить все полотно, чтобы не оставалось ни единого просвета, не видно было ткани холста. Любой просвет между стежками ослабит вышивку, и она долго не проживет. Подушечки используются каждый день, порой по два или даже три раза в день в течение сотни лет, не меньше... во всяком случае, мы на то надеемся. Это значит, что их будут подкладывать под коленки или сидеть на них сотни тысяч раз. Чтобы долго выдерживать столь интенсивное использование, они должны быть сверхпрочными. И наконец, не забывайте об обратной стороне полотна. Она должна выглядеть столь же аккуратной, как и лицевая. Вы будете делать ошибки, которые с той стороны можно исправить, и никто ничего не заметит. Но если с обратной стороны у вас жуткая путаница, то это обязательно скажется и на лицевой стороне, например, можно подцепить иголкой свободную, неплотно затянутую нитку и вытянуть ее. Аккуратная изнанка означает, что и с лицевой стороны у вас все в порядке.

Вайолет сразу вспомнила о своей детской вышивке: перепутанные нитки, как попало расположенные неровные крестики на лицевой стороне – это всегда приводило ее мать в отчаяние.

– Смотрите на свою работу как на службу в соборе, – добавила Луиза Песел. – Там все проходит организованно, слаженно и благочинно, как в пресбитерии, так и на клиросе.

Все процессии, молитвы и песнопения, проповеди прекрасно срежиссированы, главным образом благодаря всем, кто осуществляет обряд, кто заботится о том, чтобы все происходило аккуратно, организованно, в том числе и в помещениях, скрытых от глаз прихожан, так чтобы публичное действо протекало гладко, без сучка без задоринки.

Вайолет кивнула.

– Ну хорошо, давайте начнем со стежка тентом, вы будете очень часто его использовать, – сказала мисс Песел, коснувшись пальцем образца с желтыми стежками, расположенными вверх и вниз. – Он очень прочный, особенно если выполнен по диагонали, и прекрасно заполняет пустоты.

Вайолет принялась упорно трудиться, стараясь совладать с непривычной иглой и пропуская сквозь полотно шерстяную нитку. Мисс Песел терпеливо наблюдала, но Вайолет работала неуверенно, у нее получалось коряво, и всякий раз, доходя до конца ряда, когда нужно было идти в обратную сторону, она пугалась и не знала, что делать.

– Один стежок по диагонали, потом два квадрата вниз, – в который уже раз повторяла мисс Песел. – Теперь обратно, вверх: один по диагонали и два поперек. Вертикальные – вниз вдоль ряда, горизонтальные – вверх. Правильно! – Она хлопнула в ладоши. – Ну вот, вы все поняли.

Как это ни было глупо, но Вайолет охватило чувство гордости за свой успех.

Мисс Песел оставила ее, приказав для тренировки пройти

еще несколько рядов, и отправилась помогать другим. Похоже, она совсем не сознавала, что ее уже ждет очередь вышивальщиц, которым не терпится с ней пообщаться, но жаловаться никто не осмеливался, хотя кое-кто и сердито поглядывал на Вайолет через плечо своей учительницы.

Минут через двадцать мисс Песел вернулась к ней.

– Очень хорошо, – сказала она, внимательно изучив ряды стежков Вайолет. – Иголку правильно втыкать вы уже научились. А теперь распустите все и начните сначала.

– Что? Но зачем? – жалобно проблеяла Вайолет.

Ей-то самой казалось, что у нее все получилось прекрасно.

– Каждый стежок должен иметь одинаковое натяжение, иначе вышивка будет неровной и некрасивой. Не отчаивайтесь, мисс Спидуэлл, – добавила мисс Песел, заметив удрученное лицо Вайолет. – Уверяю вас, каждая из сидящих в этом помещении не раз распускала и переделывала свою вышивку. Никому не удается добиться этого с первого раза. Теперь давайте-ка разберемся с тем, что вы делаете в конце каждого ряда. А потом я покажу вам, как шить вертикальным гобеленовым стежком. Он очень похож на тент, но более простой.

Стежок действительно оказался попроще, и овладеть им было легче, чем тентом, и уже перед ланчем мисс Песел смогла показать Вайолет крестик и удлиненный крестик.

– Вы быстро все схватываете, это похвально, – заявила

она, возвращая Вайолет полотно. – После перерыва освоим вышивание рисом и петелькой. И тогда уже можно будет приступить к работе. Перерыв кончается в половине третьего.

Похвале мисс Песел Вайолет радовалась, как ребенок.

Глава 5

Вышивальщицы принялись собирать вещи, одни возвращаться сегодня больше не планировали, другие намеревались сходить куда-нибудь перекусить и снова вернуться. Вайолет еще не решила, что будет делать. Вообще-то, надо бы сходить на работу и спросить разрешения у мистера Уотермана взять отгул и после обеда. Но тут к ней подошла Джильда.

– Пойдемте перекусим во внешний дворик! – предложила она с таким видом, будто они уже сто лет знают друг друга. – Возле Тетчера там растет тисовое дерево, я так люблю сидеть под ним в теплые дни. Оттуда видно, как люди приходят в собор или уходят. Это так интересно, можно смотреть и смотреть без конца.

– Какого Тетчера?

– А вы и не знаете? Вас ждет приятный сюрприз!

Джильда взяла ее за руку и повела на улицу. Вайолет боролась с искушением вырвать руку и уйти. В узком лице Джильды было что-то такое... эти выступающие вперед зубы, тонкие морщинки вокруг глаз, все это говорило о... если не о безрассудстве, то уж точно о превосходящей пределы навязчивости.

– Вообще-то, мне днем надо быть на работе, – сказала Вайолет, когда они спустились вниз. – Я не знала, что меня

собираются продержаться здесь весь день. Миссис Биггинс говорила только про утро.

Джилда сделала недовольную гримасу:

– Старуха Биггинс, скорее всего, не хотела, чтобы вы были здесь весь день. Честное слово, она ведет себя так, будто каждая новенькая – тяжелая ноша, которую Господь возложил на ее плечи. На самом деле нам очень нужны новые вышивальщицы. Эта глупая женщина должна быть вам только благодарна! К счастью, вы получили благословение мисс Песел. Так неужели вы не можете добиться отгула на весь день? Ваш начальник – человек отзывчивый, чуткий? Где вы работаете?

– В компании «Страхование Южных графств».

Джилда остановилась посередине внутреннего двора, за ее спиной маячил собор. Группа юных учащихся Уинчестерского колледжа в мантиях и соломенных шляпах, стуча каблуками по каменным плитам тротуара, обходили их двумя потоками с обеих сторон – они возвращались на свои занятия.

– Я полагаю, вы знаете Олив Сандерс, – произнесла она с таким видом, будто думала, что попробовала яблоко, а это оказался гриб.

– Да, она тоже машинистка, как и я. Мы работаем в одном офисе.

– Какая же вы бедняжка! Ой, простите, зря я вам это сказала.

Но по лицу Джильды не было заметно, будто она жалеет о сказанном.

– Честное слово, – продолжила она, когда они снова двинулись по улице, – не представляю, как это можно сидеть с ней в одном помещении. Как только вы это терпите?

Вайолет сразу вспомнила все эти глупые разговоры между О и Мо, их взвизгивания, пронзительный хохот по пустякам, их небрежный снисходительный тон, слащавые дешевые духи, стаканчики с остатками чая и плавающими в них сигаретными окурками.

– Вообще-то, я совсем недавно там работаю.

– Да-да, и слава богу, – терпеть вам придется недолго, ведь она выходит замуж за моего брата! И все это сваливается на мою голову! Вы знаете, она имела наглость заявить, что займет мое место. Я веду бухгалтерию и работаю с другими бумагами в автомастерской брата, – пояснила Джильда.

Она провела Вайолет через арочный проход, образованный контрфорсами собора. Проход шел от внутреннего двора к внешнему, и, выйдя из него, они оказались прямо перед главным входом.

– Она же совсем не умеет считать и ничего не понимает в автомобилях! Размечталась! Но я положу этому конец.

В голосе Джильды слышна была нотка сомнения. Вайолет заподозрила, что дело не в том, и посочувствовала ей. «Да, это неуверенность всякой старой девы, которая вечно с нами, во всем, что мы делаем», – подумала Вайолет.

Она подняла голову и посмотрела на собор. Его внешний вид всегда таил для нее сюрпризы. Вайолет и раньше, еще в самом детстве, несколько раз бывала здесь, знала, что ее ждет. Всякий раз ей хотелось, чтобы собор произвел на нее глубокое впечатление, но вот опять, и на этот раз она была разочарована. Когда Вайолет думала о соборе вообще, отвлеченно, она всегда представляла себе большой, величественный рельефный вход. В соборе все должно быть высокое: и сам вход, и корпус строения, и, конечно же, башня со шпилем. Своим внешним видом он должен кричать, его материальное существо не позволяет никому забывать о том, что собор предназначен для молитвы. Находящийся неподалеку Кафедральный собор Солсбери выполнял эту задачу благодаря впечатляющему шпилю, самому высокому во всей Британии, то же самое можно сказать и о Чичестерском соборе, который она видела, когда ездила в гости к бабушке с бабушкой. По праздникам она любовалась красивыми квадратными башнями Кентерберийского собора и Линкольнского, они господствовали над городом, как и положено всякому собору.

А вот Уинчестерский собор выглядел так, будто припал к земле, как серая жаба на ничем не примечательной зеленой лужайке в отдалении от Хай-стрит – главной улицы города. Принимая во внимание, что этот город много лет был средоточием власти для многих королей, сам собор, как ни странно, легко не заметить. Вайолет частенько приходилось

объяснять туристам, что они стоят прямо напротив собора. «А-а... – бывало отзывались они. – Вот оно что... Ага...» Она была уверена, что в голове у них вертится вопрос: «А где же башня?» Ведь башня собора здесь похожа на какой-то пенек, все равно что собака с обрубленным хвостом. Такое впечатление, что, пока его строили, кончились деньги и на нормальную башню просто не хватило. Не собор, а церковь какая-то, только громадных размеров, не чувствуется подobaющей величественности.

«Внутри он гораздо лучше, – хотелось сказать ей. – Внутри он просто прекрасен».

Но у Вайолет не было привычки делиться своими мыслями с незнакомцами. Тем более они и сами могли вскоре об этом узнать.

Вокруг собора раскинулась зеленая площадка внешнего двора, ее пересекали две дорожки, усаженные липами. Постелив под себя носовые платки или газеты, на ней всюду сидели посетители или рабочие – пользовались случаем погреться на солнышке и сжевать на свежем воздухе свои сэндвичи. Здесь же находилось несколько могил и гробниц с надгробными памятниками, и отдыхающие, и жующие, проявляя к ним уважение и не желая тревожить их покой, держались подальше. И только Джильда уверенно направилась к одной из могил, расположенной под большим тисовым деревом ярдах в пятидесяти от входа в собор, и уселась рядом с надгробием.

– Тетчер, – сообщила она.

Вайолет стала разглядывать надгробный камень высотой примерно по пояс.

– «Томас Тетчер, скончавшийся от жестокой лихорадки, полученной от питья легкого пива в жаркий день 12 мая 1764 года», – прочитала она вслух. – Ну надо же!

*Здесь мирно спит гемпширский гренадер,
Который слез, попивши сдуру пива.
Солдат, остерегайся столь безвременной кончины,
И в жаркий день пей крепкое или совсем не пей.*

Джилда прочитала это стихотворение на память, не глядя на могильный камень.

– Забудьте про собор, – добавила она. – Вот это – главная достопримечательность Уинчестера.

Она ласково, словно домашнюю кошку, погладила могильную плиту, потом развернула пакет из воощенной бумаги и положила еду между собой и Вайолет.

– Пополам?

– Что? Ну хорошо...

Вайолет неохотно достала из сумочки свою еду. У Джильды оказались сэндвичи с толстыми кусками ветчины и щедро намазанные маслом, не то что у Вайолет: тоненький слой дешевого маргарина с мизерным количеством рыбной пасты.

Но Джильда, похоже, и не заметила этого.

– Мне всегда казалось, что чужие сэндвичи вкусней, – за-

явила она и сунула в рот треугольник с рыбной пастой. – И с кофе примерно то же... когда готовишь не сам, всегда кажется ароматней, как думаете?

– Может быть.

– Ну как у вас со стежками, идет дело? Мисс Песел – прекрасная учительница. С ней всегда хочется все делать как можно лучше.

– Да, она молодец. А вот про себя я не знаю, что сказать.

Вайолет надкусила сэндвич с ветчиной. Свежая, умеренно прокопченнная ветчина показалась ей такой вкусной, что она чуть не вскрикнула от удовольствия. Как следует пообедала она редко, разве что когда в воскресенье ездила в гости к Тому и Эвелин готовила потрясающее жаркое. Мать ее, похоже, все еще находила удовольствие в том, чтобы угощать Вайолет пережаренным мясом с несколькими картофелинами и водянистой подливкой – так она продолжала наказывать дочку за то, что та покинула ее. Какой толстый, какой сочный кусок ветчины – только теперь Вайолет поняла, насколько проголодалась.

– А у меня в самом начале вообще ничего не получалось... просто ужас! – прервала Джильда грезы наслаждающейся ветчиной Вайолет – казалось, будто она радуется своим недостаткам. – Я думала, что дальше вышивки каймы не пойду и меня вечно будут заставлять сматывать шерсть. Но постепенно втянулась, стежки стали получаться сами собой, и я уже могла отдыхать за работой. Я заметила, что,

когда напрягаюсь, вышивка тоже получается какая-то перетянутая. А ведь для кафедрального клироса подушечки не могут быть перетянутыми. Хористы должны сидеть на качественных, красивых подушечках!

Вайолет не удержалась и взяла еще один сэндвич с ветчиной, хотя это нарушало нормы учтивости: все делить полагось поровну. И снова Джильда не обратила на это внимания, она стала расспрашивать Вайолет о семье, о ее жизни в Саутгемптоне, о том, каким ветром ее занесло в Уинчестер.

– Два года назад умер мой отец, и с матерью жить стало еще трудней, – ответила на последний вопрос Вайолет.

– А что, у матери тяжелый характер?

– Пожалуй... Она так и не оправилась после гибели моего брата – он погиб на войне.

Ну вот, она наконец высказалась.

Джильда кивнула:

– Мой брат Джо вернулся с войны живой, но сразу после этого наша мама заболела «испанкой» и умерла. Брат говорил, что за всю войну ни разу не плакал, но вернуться домой и сразу потерять маму – это уже слишком.

– А вы... ты еще кого-нибудь теряла? – решила перейти на «ты» Вайолет.

Джильда покачала головой и посмотрела вокруг, как бы уклоняясь от прямого ответа. Выходит, жениха у нее и вовсе не было, подумала Вайолет.

– Артур! – вдруг крикнула Джильда и, вскочив на ноги,

помахала рукой двум мужчинам с велосипедами, шагающим по дорожке ко входу в собор.

У обоих правая штанина была заправлена в носок, чтобы не заело цепью. Одного из них, седого и с усами, Вайолет уже видела однажды в соборе, во время освящения вышивок. Услышав крик Джильды, он остановился, посмотрел в ее сторону и направил велосипед к ним. Другой, помоложе и пониже ростом, пошел за ним. Вайолет тоже встала.

– Здравствуй, Джильда. – мужчина приподнял перед ней шляпу, потом кивнул Вайолет.

Голубые глаза его ярко сверкали, взгляд был прямой и теплый. «Кажется, я покраснела, – подумала Вайолет, – хотя с чего бы это: он ведь гораздо старше меня и...» Она машинально бросила взгляд на его руку и увидела на пальце обручальное кольцо.

– Ну что, скоро мы вас послушаем? – спросила Джильда.

– Не сегодня. У нас сейчас встреча с алтарником, надо обсудить летнее расписание. Получилось несколько венчаний дополнительно, ну и дни рождения королевской семьи, конечно. Знакомьтесь, это Кит Бейн, наш тенор. Он всего два года живет в Уинчестере.

Тот, что помоложе, небольшого роста, крепкий, рыжеволосый и усеянный веснушками, кивнул им обеим.

– А это Вайолет Спидуэлл. Она недавно вступила в Общество кафедральных вышивальщиц. Правда, Вай?

Вайолет вздрогнула. После гибели Лоренса еще никто не

называл ее сокращенной формой имени, родственники интуитивно поняли, что теперь это уменьшительное имя для них – табу. Она попыталась скрыть чувство неловкости и протянула руку. Но когда Артур пожал ей ладонь, она почувствовала, что он взял себе на заметку: «Не называй ее Вай».

– Интересное у вас имя... – улыбнулся он. – Говорит о том, что ваши родители – неглупые люди.

– В каком смысле неглупые? – поинтересовалась заинтригованная Джильда.

– Дело в том, что «спидуэлл» – это народное название растения вероника лекарственная, а цветочки у него фиолетовые. Вот ее и называли Вайолет.

– Это мой отец так придумал, – ответила Вайолет. – У моих братьев... у них более традиционные имена.

Она не стала называть их, не хотелось произносить имя Джорджа вслух.

– Хорошо, что Вероникой не называли! – засмеялась Джильда. – Представляю, и здесь Вероника, и там Вероника.

– Что, решили посидеть рядом с Тетчером? – кивнул Артур на могильный камень.

– Я никогда раньше не видела этой могилы, – призналась Вайолет.

– А-а, тогда вы, значит, не местная.

– Да, я из Саутгемптона. Переехала сюда семь месяцев назад.

– Я так и подумал. Иначе давно бы познакомились.

Тон его голоса был вполне беспристрастный, но вот сами слова, неизвестно почему, таковыми не казались. Вайолет почувствовала, как щеки ее вновь разгораются.

— Мы с Артуром долгое время ходили в одну церковь, — сказала Джильда. — И в воскресной школе я дружила с его дочерью, мы часто играли вместе. Она сейчас в Австралии, а Артур переехал в деревню. В Нетер-Уоллоп, самый красивый поселок в Англии, и название у него чудное какое-то.

Несмотря на то что Артур поправил ее — «Строго говоря, — сказал он, — наш дом стоит в Мидл-Уоллопе», — Вайолет вспомнила что бывала раньше в Нетер-Уоллопе с отцом и братьями, когда была еще девочкой.

— Я там бывала, — сказала она. — Помню, там есть пирамида Дуса.

Кит Бейн и Джильда были озадачены, но Артур кивнул.

— Верно, — сказал он и повернулся к ним. — На церковном кладбище в Нетер-Уоллопе на могиле Фрэнсиса Дуса⁵ стоит пирамида. Наверное, родственникам нравились пирамиды, поскольку и у других тоже построены, например на холме Фарли-Маунт.

Он снова улыбнулся Вайолет, и она молча поблагодарила покойного отца за то, что маршрут их пешего похода во время отпуска он выбрал через Нетер-Уоллоп. Ей тогда было одиннадцать лет, Тому семь, а Джорджу тринадцать. Мис-

⁵ *Фрэнсис Дус* (1757–1834) — британский антиквар, хранитель Британского музея.

сис Спидуэлл с ними не пошла, и, вероятно, поэтому поход удался. Все чувствовали себя свободно и беззаботно, и когда садились на поезд до Солсбери, и когда ехали в экипаже до Стонхенджа, а потом еще шагали через лес и огибали засеянные поля пшеницы, настроение у всех было прекрасное. В Нетер-Уоллопе они посидели в пабе «Пять колоколов», сходили полюбоваться церковью, где отец посадил Джорджа, и тот, ухватившись за каменное плечо на самом верху пирамидального могильного камня, объявил себя египетским фараоном. Если бы Джорджу сказали в тот день, что всего через одиннадцать лет он, а вместе с ним и сотни тысяч других британцев, погибнет на войне, он бы не поверил.

К жгучему стыду Вайолет, на глазах ее выступили и потекли по щекам слезы, и она не успела их спрятать. Она редко плакала, вспоминая Джорджа и Лоренса. Плакальщицей в семействе всегда была мать, ни Вайолет, ни Тому, ни даже отцу она не давала возможности вслух выразить свои чувства по поводу этой утраты. Когда через год после Джорджа погиб Лоренс, миссис Спидуэлл не раз выражала свою скорбь или старалась утешить Вайолет. Но у нее все превращалось в какое-то состязание с дочерью: всем, кто слушал ее, миссис Спидуэлл напоминала, что потеря сына для матери – самая страшная потеря на свете, подразумевая, что горе ее никак не сравнится с горем дочери, потерявшей на войне жениха. Подыгрывать ей Вайолет не хотела и старалась всячески сдерживать слезы.

Не говоря ни слова, с молчаливым пониманием Артур достал и протянул ей свой носовой платок. После войны прошло уже четырнадцать лет, но окружающие не удивлялись, если кто-нибудь неожиданно плакал.

— Благодарю вас. — Вайолет вытерла слезы. — Простите меня.

Артур и Кит кивнули, а Джильда похлопала ее по руке. Они как ни в чем не бывало продолжили разговор дальше.

— А я на Фарли-Маунт не была уже несколько лет, — заметила Джильда. — Когда-то мы по воскресеньям всегда туда ездили.

— А что такое Фарли-Маунт? — спросил Кит Бейн. Он в первый раз подал голос, и, к удивлению Вайолет, у него оказался шотландский акцент.

Джильда с Артуром усмехнулись.

— «Берегись Мелового Карьера»! — воскликнула Джильда.

— Ну да, именно так звали лошадь... Совсем не похоже на кличку, а между тем это так, — объяснил Артур. — Один из родственников Дуса построил на вершине холма в нескольких милях от Уинчестера пирамиду в честь своей лошади, которая выиграла на скачках. А перед скачками она свалилась в меловой карьер — отсюда и кличка.

— Надо будет сходить как-нибудь, — сказал Кит Бейн. — Я успел побывать только на холме Святой Екатерины. Хочется посмотреть еще что-нибудь. А где это?

— Миль пять отсюда на запад. А если мечтаешь о более

долгой прогулке, можно пойти через поля в Солсбери. Это двадцать шесть миль. Я называю это кафедральной прогулкой. По пути можешь переночевать у меня в Уоллопе, если захочешь.

– А что, прекрасная мысль, может, я так и сделаю.

– Ладно, нам пора, алтарник небось заждался, – сказал Артур и повернулся к Вайолет. – Приятно было познакомиться, мисс Спидуэлл.

– Мне тоже.

Вайолет смотрела ему вслед, как он катил свой велосипед к стене собора. Его сдержанное проявление внимания к ней успокоило ее – так протянутая рука останавливает кресло-качалку, которую кто-то толкнул.

Только когда Артур ушел, Вайолет поняла, что все еще сжимает в руке его носовой платок. В уголке неровным цепным стежком были вышиты инициалы: А.К. Можно, конечно, было побежать за ним, догнать и вернуть платок или отдать его Джильде, чтобы та передала платок Артуру. Но Вайолет дождалась момента, когда ее новая подруга отвернулась, и быстро сунула платочек себе в сумочку.

– Они что, поют в каком-нибудь хоре? – спросила она, когда носовой платок скрылся из виду.

– Вовсе нет, – ответила Джильда, складывая вощеную бумагу из-под сэндвичей. – С чего это ты подумала?

– Он что-то говорил о теноре.

– Нет-нет, они звонари! Звонят в соборе. Ну а теперь пой-

дем выпьем кофе? А потом я поищу телефон и позвоню к тебе на работу, скажу, что ты заболела – тебе стало дурно во внешнем двореке собора!

* * *

Когда они вернулись, Вайолет увидела, что ее привилегированное положение в качестве новой ученицы мисс Песел узурпировано. Вокруг нее плотно сгрудились несколько вышивальщиц, более того, оглянувшись на входящую Вайолет, две из них сдвинулись еще плотнее, словно хотели защитить свою позицию, а заодно и учительницу.

– Какие стежки она хотела тебе показать? – спросила Джильда, хмуро окинув взглядом эту толпу.

Вайолет взяла образец.

– Вот этот... кажется, рис. И еще петельки.

– Я могу показать, как это делается. Мисс Песел любит, когда мы сами начинаем учить друг друга, она считает, что лучше всего усваивается то, чему научился, когда учишь другого.

Оба стежка требовали кропотливой работы, но освоить их оказалось не так сложно. Потом, перед тем как подойти к мисс Песел, чтобы обсудить с ней собственную работу, Джильда предложила Вайолет сделать образец всех шести стежков, которыми та овладела, и в конце занятий показать учительнице.

В помещении стало уже поспокойнее, суета закончилась. Десяток с лишним вышивальщиц сидели за большим столом и тихо работали, а мисс Песел и миссис Биггинс отвечали на возникающие по ходу работы вопросы, давали советы. Вайолет сосредоточенно вышивала свои образчики, стараясь, чтобы стежки выглядели одинаково, с правильным натяжением. Через некоторое время она уже могла работать и одновременно слушать разговоры вокруг. Вышивальщицы больше всего говорили о детях и внуках, о соседях, о посадках в саду и на огороде, о кулинарных тонкостях или о грядущих и прошлых отпусках. Остальные вежливо и вполуха слушали, терпеливо дожидаясь своей очереди говорить. И, как обычно в таких ситуациях, замужние говорили больше незамужних, ведь в женской иерархии они, естественно, занимали более высокое положение и обладали бóльшим авторитетом, что не подвергалось никакому сомнению. Одна только Джильда время от времени подавала голос, и остальные это терпели, ведь она так интересно рассказывала и всех знала – впрочем, некоторые порой и переглядывались у нее за спиной. Большинство вышивальщиц здесь принадлежали к определенному социальному слою, и Вайолет догадалась, что они имели право свысока посматривать на тех, кто всего лишь владеет автомастерской и обязан обслуживать их автомобили. Сама же она стала гораздо терпимее, потому что давно поняла, что социальное происхождение женщины одинокой и живущей на скудную зарплату мало что значит. Пус-

кай Джильда принадлежит к другому социальному слою, но ее поддерживают близкие родственники, поэтому она может питаться гораздо более сытными сэндвичами, чем Вайолет.

«Интересно, — думала она, — что будет, если я вмешаюсь в разговор и задам всем вопрос, кто теперь, по их мнению, станет формировать правительство Германии, после того как нынешний канцлер подал в отставку? Есть ли хоть у кого-то из них свое мнение по этому поводу?» Впрочем, Вайолет не знала, есть ли у нее самой мнение на этот счет, но в этой комнате, ограниченной четырьмя стенами, ей вдруг стало не хватать воздуха. Возможно, она просто плохо знает этих женщин.

Миссис Биггинс два раза хлопнула в ладоши.

— Все, милые дамы, на сегодня хватит. Приберитесь на своих рабочих местах, чтобы они были так же опрятны, как и перед работой. Чтобы на столе не оставалось никаких обрывков шерсти. Миссис Уэй выпишет вам новые материалы.

Все выстроились в очередь к мисс Песел, которая всегда перед уходом производила смотр их работ. Вайолет вдруг оробела, ей страшно было показывать свои образцы. Не хотелось, чтобы ее снова заставили распускать стежки или поставили на запись учета материалов вместе с Мэйбл Уэй. Но она взяла себя в руки и пристроилась за Джильдой, слушая, как та обсуждает с мисс Песел различия между вертикальными и наклонными гобеленовыми стежками. Наконец Луиза Песел протянула руку к работе Вайолет.

– Вы делаете отличные успехи, – объявила она, проводя пальцем по ее стежкам. – Только будьте повнимательней с удлинненным крестиком, длинный стежок натягивайте потуже, иначе он сгорбится, вот как здесь, например. Не очень, конечно, но распускать ничего не надо, ведь это пробный образец, а ошибка эта вам еще пригодится – будет напоминать вам о себе. К следующей среде, – добавила она, возвращая работу, – научите еще кого-нибудь этим стежкам и принесите мне их работу. Можете взять с собой полотно и нитки с иголкой.

Вайолет разинула рот:

– А кого же мне...

Но мисс Песел уже обратилась к следующей в очереди.

Джилльда снова заулыбалась:

– А? Что я вам говорила!

Глава 6

Вайолет никак не могла придумать, кого ей учить вышивать. Мать ни за что не согласится, у Эвелин и так много работы, а Марджори еще мала, чтобы освоить такой сложный стежок, как рис. «Может, попробовать с хозяйкой?» – мелькнула в голове мысль. Но миссис Харви вряд ли станет сидеть с иголкой, не тот она человек. Можно попробовать уговорить какую-нибудь из постоялиц, но Вайолет не знала, хочет ли она этого сама. С мисс Фредерик, учительницей английского языка в местной женской школе, и с мисс Ланкастер, которая работала в канцелярии Уинчестерского королевского суда, она старалась держать дистанцию. Вокруг них витал ореол какой-то неустроенности и тоски, и Вайолет очень не хотелось заразиться от них тем же самым. Стоит только подружиться с ними, это ощущение станет еще сильнее. Но прошло несколько дней, на горизонте никого подходящего не появилось, и Вайолет поняла: делать нечего, придется кланяться в ножки мисс Фредерик. Она думала об этом однажды утром, сидя на работе за машинкой, за два дня до занятий вышивкой. Девицы в офис еще не явились – они вообще редко приходили вовремя.

Мо появилась, когда Вайолет уже напечатала половину второго контракта, добавочного к уже существующему полису на страховку дома в Андовере, теперь еще и на случай

пожара. Когда не было рядом Олив, Мо вела себя тише воды ниже травы. А сейчас вообще была как в воду опущенная: вошла, повесив голову, пробормотала себе под нос приветствие, даже не посмотрев в сторону Вайолет. И платье на ней было в тон настроению, какое-то мутно-коричневое, с бесформенной юбкой и мятым подолом, на груди висело мешком. Вайолет кивнула и, закончив печатать контракт, предложила заварить чайку.

– Да, если можно, – едва слышно проговорила Мо и тяжело вздохнула. Этот вздох означал только начало, она всегда так делала, готовясь отвечать на вопрос, что с ней стряслось.

Но Вайолет сначала отправилась на кухню, заварила в фаянсовом чайнике чай и принесла его в комнату вместе с тарелкой печенья «Гарибальди» – это печенье никому не нравилось, но больше у них ничего не было.

– Ну что, – сказала она, поставив перед Мо чашку с чаем и сахарницу. – Рассказывай, что случилось?

Вайолет откинулась на спинку стула, обхватив ладонями чашку с чаем, чтобы согреть их, – июньский день выдался дождливый и прохладный, казалось, на улице не лето, а ранняя весна. В такие дни она всегда надевала кофту, либо бежевую, либо светло-коричневую. Сегодня на ней была светло-коричневая, на новую у нее денег не было, зато недавно Вайолет освежила ее, сменив прежние пуговицы на перламутровые, на которые наткнулась в комиссионке.

Мо положила в чашку несколько ложек сахара и хмуро

установилась на прямоугольное печенье с изюмом – отдельные изюминки были похожи на сидящих мух. Вайолет не торопилась ее с немедленным ответом. Впереди еще целый день.

– О подает заявление об уходе, – пробормотала она наконец. – С сегодняшнего дня. Ее мать будет звонить утром мистеру Уотерману.

Мо выбрала печенье и яростно впиалась в него зубами.

– Понятно, – отозвалась Вайолет.

Она ожидала совсем не этого. Она думала, что Мо расстроена из-за того, что ее ухажер, банковский служащий, что-то сказал или сделал не так. А Олив не пришла на работу, потому что ей якобы надо готовиться к свадьбе, которая будет еще не скоро, – встретиться со священником, искать, где распечатать приглашения, выбирать материю на свадебное платье. О использовала все это как предлог, чтобы прогулять работу. Вайолет думала, что пройдет не один месяц, может, даже целый год этой канители, пока не настанет торжественный день. И только тогда Олив уйдет с работы, женщины всегда бросают работу, выходя замуж, но чтобы до замужества – такое случалось редко.

– Можно и сейчас уже вам рассказать, все равно ведь скоро узнаете. Слухи разносятся быстро, люди такие сплетники, – прибавила Мо, как бы случайно забыв о том, как еще совсем недавно они с О вслух обсуждали будущую женитьбу. – Она ведь... ну, в общем... скоро выходит замуж. В следующие выходные свадьба.

– Вот оно что, – протянула Вайолет и переложила ручку на столе перпендикулярно пачке бумаг.

Если женщина старается как можно быстрее выскочить замуж, для этого существует только одна причина.

– Это совсем не то, что вы думаете! – воскликнула Мо.

Вайолет секунду помолчала.

– Как раз именно это, – спокойно произнесла она. – Бедняжка Олив!

Мо вся напряглась, будто собиралась возразить, но через мгновение сникла, откинулась на спинку стула и окунула печенье в чай.

– Нет, это вовсе не значит, что она не собиралась выходить за него. Просто уж очень все это быстро, станут болтать всякое...

Вайолет закурила сигарету и неожиданно почувствовала себя старой.

– Ничего, как-нибудь перемелется, – сказала она.

Конечно, куда они денутся. Поженятся Олив со своим суженым. А людям скажут, что они так влюблены, что жить не могут друг без друга, – просто не хотят шумной свадьбы. О вскоре родит ребеночка. Скажет, недоношенный, зато посмотрите, какой крепыш, и не подумаешь, что появился на свет на два месяца раньше положенного!

И люди все благополучно забудут, потому что так ведь часто случается, да и какое это имеет значение? Вот со своими «шеррименами» Вайолет была осторожна, всегда использо-

вала колпачок, который достала для нее у своего врача одна из замужних подруг. Но все-таки и ей несколько раз за эти годы пришлось пережить испуг, и она хорошо понимала, как легко такая девушка, как Олив, может оказаться в затруднительном положении. По крайней мере, жених поступил с ней благородно. Если он хоть в чем-то похож на свою сестру Джильду, думала Вайолет, то О сильно повезло.

Когда пришло время ланча, полил сильный дождь, выходить на улицу было страшно, и Вайолет с Мо остались перекусывать в конторе, развернув свои сэндвичи. Мо с несчастным видом листала какой-то журнал.

– Послушай, – предложила наконец Вайолет, – а давай я тебя кое-чему поучу, тебе надо отвлечься.

И оказалось, что у Мо – или Морин, поскольку с неожиданным уходом Олив кличка отпала сама собой – получилось даже лучше, чем у Вайолет, несмотря на то что прежде она никогда иглолки в руках не держала. Морин обладала врожденной способностью к сосредоточению, настойчивостью и упорством, чего почему-то никогда не демонстрировала за печатной машинкой. Хотя это как посмотреть, ведь рядом с ней всегда была Олив, которая вечно ее отвлекала. А еще Морин легко радовалась своим успехам.

– Смотрите, какой ровненький у меня получился гобеленовый стежок, – с довольным видом говорила она, когда они сидели за шитьем. – Прямой как стрела!

Мисс Песел оказалась права: процесс обучения другого

действительно помогает учиться самому, поскольку обучаемый задает вопросы, а это заставляет тебя самого думать, почему ты сделал так или иначе, и тогда само собой проясняется то, чего ты прежде не понимал.

– Почему так много значит степень натяжения нитки? – спрашивала Морин, хмуро разглядывая зеленую шерсть.

– Потому что... посмотри, – и Вайолет тыкала пальцем в неудачный стежок, – видишь, как он выступает по сравнению с остальными. Ты просто не подтянула его как следует. И он навсегда останется таким, если не распустить.

– А какая разница, что на изнанке стежки прямые или диагональные?

– Потому что стежки по диагонали стягивают полотно, и оно начинает морщиться. А тебе нужно, чтобы поверхность подушечки была ровненькая.

– Но почему изнанка должна быть обязательно такой же аккуратной?

– Если будет торчать много свободных нитей, можно случайно вытянуть какую-нибудь на лицевую сторону.

Вайолет просто повторяла то, что ей говорила мисс Песел. До сих пор ей удавалось отвечать на все вопросы Морин, но она знала, что в конце концов и она может попасться.

– А хочешь, приходи к нам, пока нас не распустили на лето, – предложила Вайолет, когда во время перерыва на чаепитие они снова занялись стежками.

Ситуация изменилась удивительно быстро: совсем недав-

но на Вайолет либо не обращали внимания, либо жалели, а теперь она стала для Морин учителем и даже предложила заниматься вместе вышиванием. Прежде она и в мыслях не могла представить, что они могут подружиться, тем более что Морин на пятнадцать лет моложе ее. Теперь атмосфера у них в комнате кардинально изменилась.

– Но мистер Уотерман вряд ли допустит, чтобы мы обе ходили на занятия, – ответила Морин, поднося свое полотно поближе к глазам и разглядывая стежки, она пробовала сейчас вышивать рис двумя разными цветами. – О черт! Я забыла, в какую сторону надо обметывать. Как правильно, по часовой стрелке или против? Или все равно?

– Нет, не все равно, ведь каждый квадратик ты вышиваешь в определенную сторону.

Вайолет стала разглядывать свои собственные стежки рисом. И увидела, что у нее проглядывает полотно, и довольно часто.

– А если мы станем работать во время обеденного перерыва и еще захватывать время вечером, может, мистер Уотерман разрешит нам ходить по утрам? – предположила она.

– Олив от нас ушла, и ему надо будет как можно скорей найти еще кого-нибудь, – отозвалась Морин.

У Вайолет насчет этого уже мелькнула одна мысль, но она промолчала, ей хотелось как следует все обдумать.

Стоило упомянуть имя Олив, как та, словно по волшебству, явилась собственной персоной: в коридоре слышался

ся отчетливый стук ее каблучков. Морин – или же теперь она снова превратилась в Мо – испуганно подняла глаза. Бросив вышивку, она схватила журнал, чашку с чаем и отвернулась. Вайолет это нисколько не задело, скорее рассмешило.

Но у Мо не достало ума, чтобы припрятать свое новое увлечение. В дверях появилась Олив: она все еще была похожа на крепко сбитую, фигуристую лошадку. Олив бросила оценивающий взгляд на Морин, сидящую в нелепой позе, уткнувшись в журнал, на лежащую перед ней на столе вышивку, потом на вышивку в руках Вайолет и фыркнула.

– Стоит тебя на секунду оставить, как ты бросаешься на какие-то дурацкие кустарные штучки! – ухмыльнулась она. – И что же это такое?

Мо не успела и глазом моргнуть, как та схватила со стола образец вышивки. Иголка соскользнула с нитки и звякнула об пол.

– Образцы стежков, – ответила за Мо Вайолет. – Тент, го-беленовый, рис, крестик и удлиненный крестик. А скоро Морин научится вышивать и петелькой.

Олив бросила вышивку, словно она была заразная.

– Ты еще вязать поучись, как старая дева! – вскричала она, глядя на свою подругу. – Что это с тобой?

Мо опустила журнал.

– Но ты же от нас ушла... – тихо произнесла она.

– Ну так что? Я всегда собиралась уйти, как только выйду замуж. Просто это случилось немного раньше, вот и все. И

ты когда-нибудь уйдешь.

Олив огляделась и увидела свой яркий шифоновый шарфик, висящий на приколоченном к двери крючке.

– А, вот где он! – торжествующе объявила она, снимая шарфик. – Нашелся наконец.

– А я буду у тебя подружкой невесты? – тихим умоляющим голосом проговорила Мо. – Через неделю?

– Вот ты о чем... Нет, это вряд ли.

Олив замолчала и стала возиться со своим шарфиком: обернула его вокруг шеи, завязала и долго поправляла.

– Свадьба пройдет тихо, в узком кругу. Только родственники.

Услышав эти слова, Мо стала такой несчастненькой, что Вайолет почувствовала несвойственное ей желание вмешаться.

– Вообще-то, мы занимаемся не вязанием, – сказала она. – Это называется вышивка на холсте. Современный вариант художественного прядения, можно сказать.

Олив озадаченно молчала, тупо глядя на нее.

– Это как прядение шерсти. Отсюда и слово «пряха»⁶, – пояснила Вайолет.

Олив закатила глаза к небу:

– Господи, как я рада, что ни на чем таком не заиклилась!

– Ну что ж, а я тебе желаю удачи в этом, – живо отпарировала Вайолет, указывая глазами на пока еще плоский жи-

⁶ Spinster – пряха (англ.). Другие значения: незамужняя женщина, старая дева.

вот Олив.

Та вздрогнула и густо покраснела:

– Не знаю, о чем это вы! На самом деле это...

Олив замолчала. Щеки ее под ярким румянцем, казалось, позеленели.

– Мне надо умыться! – воскликнула она, повернулась и выскочила из комнаты, застучав каблучками в сторону туалета.

Если бы это была девица другого сорта, Вайолет, возможно, подняла бы Олив и ее поспешное бегство на смех. Но она сразу поняла, что Мо не поддержит ее, тем более под аккомпанемент доносящихся из туалета звуков – Олив отчаянно рвало.

– Ну что, перейдем к петелькам? – предложила вместо этого Вайолет.

Морин секунду помедлила, потом наклонилась и подняла с пола иголку.

– Да, – тихо отозвалась она.

* * *

Вайолет подкрепилась чаем с печеньем и двинулась на переговоры в кабинет к мистеру Уотерману. Лучше выложить ему все свои идеи сразу – и насчет работы, и насчет занятий вышиванием, и что касается Морин, конечно.

Вайолет не привыкла на работе соваться с предложения-

ми, но ведь, когда она жила дома, в том не было необходимости, за свое содержание платить не надо было. Но если не высказаться обо всем сейчас, когда есть возможность, она просто медленно уморит себя голодом.

Вайолет постучала в открытую дверь кабинета мистера Уотермана, тот сидел за столом и смотрел в окно, за которым шел дождь.

– Здравствуйте, мисс Спидуэлл... а я вот сижу и с таким удовольствием гляжу, как дождик на улице поливает. Давно пора, все грядки на огороде польет. Итак, я к вашим услугам. Что это вы мне принесли, чашку чая? Именно то, что нужно, благодарю вас. Присаживайтесь.

О личной жизни своего начальника Вайолет почти ничего не знала, только то, что у него есть жена и ребенок, о которых он никогда не заговаривал, а еще он любит крикет и не любит, когда на улице жарко. Что мистер Уотерман делал, когда шла война, Вайолет тоже не знала. Так что с ним ей и говорить было не о чем. Сейчас он сидел, прихлебывал чай, а она пыталась подобрать нужные и правильные слова.

– Большое вам спасибо, мистер Уотерман, за то, что позволили на прошлой неделе посетить занятия вышивальщиц у миссис Биггинс, – начала она.

Услышав имя миссис Биггинс, мистер Уотерман встрепенулся и выпрямился.

– Конечно-конечно. Она, наверное, была очень рада, что вы стали ее ученицей?

– Да, разумеется! По правде говоря...

– Но погодите, вы ведь, кажется, заболели в тот день. Надеюсь, миссис Биггинс тут ни при чем?

Вайолет быстро сообразила, что нужно сказать:

– Нет-нет, это все из-за жары. В комнате было душновато.

– А-а, из-за жары... ну да, ну да... Жарища стояла – настоящее пекло! Вот сегодня совсем другое дело.

– Мне просто нужно было сесть поближе к окну. В следующий раз я так и сделаю.

– В следующий раз? А разве вы не усвоили с ней все, что вам было нужно?

– Миссис Биггинс хотела бы, чтобы я пришла еще раз перед летним перерывом, она хочет проверить, хорошо ли я понимаю, что делаю. И я должна привести с собой и Морин тоже.

Брови мистера Уотермана поползли вверх.

– Мисс Уэбстер? – переспросил он.

– Миссис Биггинс очень хочет, чтобы у нее было побольше вышивальщиц, там для собора у нее много работы. А мисс Уэбстер оказалась очень способной вышивальщицей.

– Понятно... – произнес мистер Уотерман и побарабанил кончиками пальцев по чашке, которая отозвалась ему тоненьким «динь-динь-динь». – Миссис Биггинс сама так считает?

– Нет, миссис Биггинс еще не видела ее работ, – призналась Вайолет, поскольку понимала, что врать надо тоже в ме-

ру. — Но миссис Биггинс и мисс Песел, которая основала общество вышивальщиц Уинчестерского собора, говорят, что им нужно побольше мастериц. А работы мисс Уэбстер очень хороши, просто превосходны!

Это, конечно, было преувеличением, но мистер Уотерман все равно не поймет, если захочет полюбоваться образцами Морин, для него это китайская грамота, как и для нее всего неделю назад.

— Ну что ж, у меня и в мыслях нет препятствовать, если кто превосходно работает на благо церкви, — начал мистер Уотерман. — Но у нас есть одна проблемка... что нам делать с неожиданным уходом мисс Сандерс?

Он проглотил остатки чая, капельки которого повисли на кончиках его усов. Мать Олив, наверное, уже сплела ему историю о двух юных пылких влюбленных, которые не в силах ждать, когда их наконец поженят. Но мистер Уотерман, видимо, отчетливо понимал, что к чему.

— А насчет образовавшейся вакансии у меня есть одно предложение, — сказала Вайолет.

— У вас?

Мистер Уотерман и не пытался скрыть крайнее изумление, причем с явным неодобрительным оттенком. Придется поторопиться и выложить перед ним свой план, пока раздражение, вызванное дерзостью женщины, не заставит начальника прекратить разговор.

— Я думаю, мы с мисс Уэбстер сможем разделить между

собой всю дополнительную работу. Мисс Сандерс прекрасная девушка, но печатала она не очень быстро. И если я на полчаса укорочу свой перерыв на ланч и стану прихватывать еще по часу после рабочего дня, это будет еще семь с половиной часов в неделю. За мисс Уэбстер я говорить не могу, конечно, но и она, возможно, тоже захочет работать лишний час. А потом вы могли бы нанять машинистку на полставки, чтобы дополнить недостающие часы. А возможно, этого и не понадобится.

Вайолет старалась говорить о коллеге деликатно. Олив была отвратительная машинистка и страшная лентяйка. С уходом такой подруги Морин больше никто не станет отвлекать, и вместе они с успехом справятся с увеличившимся объемом работы. Но говорить об этом вслух было нельзя.

– Вы это серьезно? Вы в самом деле будете работать лишние часы?

Нотки признательности в голосе мистера Уотермана насторожили Вайолет. Кажется, он неправильно ее понял в самом ключевом пункте ее предложения.

– Конечно. Я буду только рада получить прибавку к жалованью, – ответила она. – Очень рада. На мое жалованье одинокой девушке прожить не так-то просто.

– Прибавку к жалованью?! – не поверив собственным ушам, воскликнул мистер Уотерман.

Он достал платок и вытер лоб.

Вайолет могла бы сказать: «Ну конечно, глупый вы чело-

век. С чего это я стану работать бесплатно? Вы хоть знаете, что я ем на обед? Знаете, что я вообще не ем горячего? Платья уже висят на мне, как на вешалке, потому что я исхудала как щепка, а на новые платья у меня нет денег. Мне приходится выбирать: сходить в кино или поесть. Дополнительных доходов у меня нет, также нет и мужа, который содержал бы меня, а мои сбережения тают не по дням, а по часам. Часто я думаю: что же я стану делать в старости, когда не смогу больше работать? Но я не смею просить денег у брата, потому что хочу сохранить с ним добрые отношения, чтобы иметь возможность положиться на него и его детей, когда стану старухой!

Но ничего этого Вайолет мистеру Уотерману не сказала.

– Я ведь, в конечном счете, сберегу для компании деньги, потому что не придется платить третьей машинистке полное жалованье, – проговорила она.

– Да-да, думаю, вы правы, – секунду подумав, признал мистер Уотерман, и его недовольство постепенно улеглось.

Но когда Вайолет предложила поднять ей и Морин жалованье на четыре шиллинга в неделю каждой, начальник рассердился снова. Он продолжал злиться, слушая Вайолет, пока она терпеливо выкладывала ему свои расчеты.

– А вы все хорошо продумали, мисс Спидуэлл, – пробормотал мистер Уотерман, ему эта идея явно не понравилась.

Но Вайолет несколько раз напомнила ему, что они сэкономят на жалованье Олив, минус повышение зарплаты, учи-

тывая то, что они с Морин станут работать более эффективно. Наконец мистер Уотерман неохотно согласился послать эти соображения в докладной начальству в Саутгемптон.

– Но, мисс Спидуэлл, если вы не возражаете, я напишу, что эта идея пришла в голову мне самому, – хмурясь, добавил он. – Не представляю, что скажет руководство, узнав, что у девушек в голове такие... прогрессивные мысли.

* * *

Быстрого ответа Вайолет не ждала, рассуждая так, что мистеру Уотерману понадобится неделя или даже две, чтобы привыкнуть к ее предложению и в каком-то смысле сделать его своим. Она была не против, пускай, если ее ждет повышение жалованья. В тот вечер, сидя в гостиной и слушая по радио Грейси Филдс⁷, она мечтала о жареном мясе.

Поэтому Вайолет очень удивилась, когда через пару дней мистер Уотерман появился у них в комнате – они с Морин как раз печатали документы – и объявил, что начальство в Саутгемптоне согласилось передать им работу Олив с месячным испытательным сроком.

– И с прибавкой в четыре шиллинга в неделю? – спросила Вайолет, она не могла не задать этого вопроса.

– Да-да, мисс Спидуэлл, с прибавкой в четыре шиллин-

⁷ Грейси Филдс (1898–1979) – британская актриса и певица.

га, – с утомленным видом ответил мистер Уотерман, словно представил себе, что такого рода вопрос ему задает жена или дочь.

Он ушел, и они молча продолжили печатать. Потом Вайолет украдкой бросила взгляд на Морин – та улыбалась.

Повышение жалованья Вайолет отпраздновала тем, что отправилась обедать на Хай-стрит в кафе «Чайные комнаты у Одри», где съела целых три блюда: картофельный суп, свиную отбивную с двумя булочками и пудинг с изюмом и двойным сладким кремом. Каждую тарелку она выскребла дочиста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.